Таня Гроттер и Исчезающий Этаж

Автор:
Дмитрий Емец

Таня Гроттер и Исчезающий Этаж

Дмитрий Александрович Емец

Таня Гроттер #2

Тане Гроттер не повезло. На то время, пока Сарданапал, Медузия Горгонова и другие преподаватели вновь отстраивают разрушенную школу магии Тибидохс, учеников отправляют по домам. Вот и Таня вынуждена вернуться в Москву в семью Дурневых. Да еще захватить с собой в нагрузку целый чемодан склочных привидений. Ну да ничего! За время обучения в Тибидохсе Таня кое-что успела усвоить, так что дяде Герману и тете Нинели придется несладко… И вот наконец наступает пора вернуться в Тибидохс. Он отстроен заново и даже лучше прежнего, но вот Исчезающий Этаж… С ним творится что-то невероятное. Никто из тех, кто отважился проникнуть туда, не вер-нулся назад. Или все же вернулся?..

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и Исчезающий Этаж

© Емец Д., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Чемодан с привидениями

Что-то пролетело со свистом, кто-то завопил, где-то посыпались стекла. Обычное утро обычного дня в обычной школе для трудновоспитуемых волшебников Тибидохс, что находится в море-океане на острове Буяне.

Черные Шторы ехидно захихикали. Таня Гроттер оторвалась от толстенного справочника «Драконы: разведение, дрессировка, лечение» и подбежала к окну. На небольшой поляне перед Тибидохсом происходило что-то интересное. Два здоровенных циклопа, которым было поручено носить валуны для строительства, поссорились и теперь с увлечением выколачивали друг из друга пыль узловатыми дубинками. Одна из дубинок разлетелась, и ее обломок, описав в воздухе красивую дугу, свалился точно на нос богатырю Усыне, который, подложив под щеку носилки, мирно дремал в тени Лукоморского дуба.

Минутой позже Таня наблюдала, как Усыня, сцапав одного из циклопов за ноги, со свистом его раскручивает. Явившиеся на вопли богатыри-вышибалы Дубыня и Горыня, обнаружив, что нос у их братца распух и приобрел цвет свеклы, принялись хохотать. Они размахивали руками, подталкивали друг друга и в конце концов обрушили чудом уцелевший до сих пор участок стены. А тут еще Усыня отпустил ноги циклопа и тот, свечкой взмыв в поднебесье, врезался головой в Большую Башню. Посыпались кирпичи. Циклоп же как ни в чем не бывало поднялся и потрогал лоб.

– Просто сут снает сто такое! Опять сыска будет! – недовольно прошепелявил он.

Привлеченная шумом, на балкончик Большой Башни выскочила доцент кафедры нежитеведения Медузия Горгонова. Она держала за шиворот пинающегося болотного хмыря, которого только что поймала на столешнице у себя в кабинете, где он выцарапывал гвоздем всякие гадости.

Заметив осыпавшуюся стену, Медузия от возмущения разжала ладонь, и болотный хмырь, точно жаба плюхнувшись на пол, быстро улепетнул куда-то, ругаясь нехорошими словами и грозя Тибидохсу неприятностями.

Но доцент Горгонова уже забыла о нем. Ей надо было разобраться с распоясавшимися циклопами и братьями-богатырями. Щеки у Медузии запылали, а волосы зашипели как змеи. Впрочем, почему как? Только тшш! – какой же женщине понравится, когда открывают ее маленькие тайны?

– Искрис фронтис! – крикнула Медузия.

Из ее магического кольца вылетела ослепительная боевая искра, и несколько большущих валунов сразу рассыпались в порошок. Громадные циклопы попадали на землю и безуспешно попытались спрятаться за травинками, покрытыми белой изморозью. Им было хорошо известно, что с разгневанной Медузией шутки плохи.

– Полниссимо-дебилиссимо! Что это такое? – крикнула доцент Горгонова. – Две недели работы – и никакого результата! Развалили даже то, что не тронули титаны! Вы понимаете, балбесы, что детям негде жить? Что крыша протекает? Что своды Тибидохса вот-вот рухнут?!

Циклопы мелко задрожали, а богатыри-вышибалы виновато потупились.

– Мы чего? Мы ничего… Циклопы… ы-ы… сами первые начали, – забубнил Усыня, удрученно шмыгая своим свекольным носом.

– Сами? А ну марш работать, или останетесь без обеда! – нахмурилась Медузия и вскинула кольцо, полыхнувшее новой искрой. Искра, как это бывает у магов, придавала заклинанию необходимую силу: – Голодронус голодрыгус!

Таня слышала это заклинание впервые. «Интересно, для чего оно?» – задумалась она, но тотчас ощутила такой волчий голод, что едва не вцепилась зубами в Черные Шторы. В этот миг она могла съесть абсолютно все, даже позавчерашнюю овсяную кашу тети Нинели с образовавшейся на ней корочкой, которую Пипа называла пуленепробиваемой. Таня сообразила, что магия Медузии случайно зацепила и ее: ведь она тоже видела искру.

Циклопы и братья-богатыри разом зашевелились и поспешно принялись сгребать камни в кучу. Голод подгонял их.

– Никакого обеда, пока не закончите уборку! Ясно вам? Тунеядцы! – крикнула Медузия. Она круто повернулась и, как всегда стремительная, ушла с балкончика.

Жуя случайно оставшийся после завтрака бутерброд, Таня отодвинулась от окна и снова взяла в руки книгу. Не вечно же ей смотреть на циклопов! К тому же из здоровенной трещины в потолке за шиворот девочке давно стекала струйка воды.

«А ведь это из-за меня все мучаются!» – виновато подумала Таня.

После той истории, когда она неосторожно выпустила из подземелья титанов, а те, сражаясь с Чумой-дель-Торт, разнесли половину Тибидохса, здесь стало невозможно жить. Если разобраться, от всей огромной школы трудновоспитуемых волшебников остался только подвал, Зал Двух Стихий и Большая Башня с Главной Лестницей. Но и они порядком пострадали.

По коридорам бродили сквозняки, среди ночи начинали хлопать рамы, а в многочисленные трещины захлестывал дождь. Даже призракам, во множестве населявшим Тибидохс, и тем было неуютно. Лишившись своей любимой Башни Привидений, где они знали каждый закуток, призраки толпами шатались ночами по коридорам, стонали, гремели цепями и портили всем настроение.

К тому же время было далеко не летнее – декабрь. А разве возможно как следует заниматься, когда в кабинете практической магии обледенел весь пол, а на снятии сглаза все ученики вынуждены сидеть в шубах, а зубы все равно стучат так, что не выговоришь ни одного заклинания?

Таня встала, чтобы захлопнуть распахнувшуюся от сквозняка дверь. Закрывая ее, она случайно увидела, как по коридору на цыпочках прошмыгнул Поклеп Поклепыч – маленький кособокий человечек с крошечными глазками-буравчиками, бывший черный маг, перешедший в белые. К груди он прижимал здоровенную живую рыбину, колотившую его хвостом по носу. Таня догадалась, что суровый завуч Тибидохса бежит к пруду кормить русалку. Все удивлялись,

что пруд с русалкой до сих пор не замерз, и говорили, что тут точно не обошлось без мощной магии. От постоянного переедания русалка жутко растолстела, и характер у нее сделался на редкость сварливым. Целыми днями она валялась в тине, уплетала рыбу и швыряла во влюбленного Поклепа водорослями и улитками.

И угораздило же обиженного купидончика подкараулить завуча и пустить в него стрелу! Академик Сарданапал уже несколько раз порывался снять с Поклепа заклятие, но безуспешно. Любовная магия – самая тонкая и сложная из всех магий. Снять ее может лишь тот, кто наложил. Да вот только купидончик наотрез отказывался – все еще дулся на Поклепа, сломавшего его любимый лук.

– Ох уж эти русалки! Одно слово: нежить! Недавно пиявками его всего облепила – просто из озорства. Любишь, мол, так докажи. Так и ходил, бедолага, весь в пиявках. Одна прям даже на носу, – ворчала Ягге.

Прежде она не особенно жаловала Поклепа, а теперь порой даже принималась его жалеть. Ягге была старой волшебницей, заправлявшей в магпункте. Кроме того, она приходилась еще и родной бабушкой Баб-Ягуну, хорошему приятелю Тани.

Таня сосредоточилась и, заставив ускользающие мысли вновь течь в одном направлении, засела за занятия. Ей пришлось это сделать, потому что справочник «Драконы: разведение, дрессировка, лечение» начал уже недовольно фыркать и пускать искры. Еще немного – и он подпалил бы одеяло на кровати. С драконами лучше не шутить, даже если это не сами драконы, а всего лишь книга о них.

С недавних пор, не без влияния своего друга Ваньки Валялкина, Таня твердо решила, что посвятит свою жизнь ветеринарной магии. Разве это не замечательно – лечить сфинксов, гарпий, русалок, кентавров, драконов, которых год от года становится в волшебном мире все меньше и меньше? И это в волшебном! В мире же лопухоидов эти диковинные полумагические существа почти совсем перестали встречаться. Недаром лопухоиды – обычные люди – уже почти перестали в них верить.

К тому же Таня надеялась, что умение ладить с драконами поможет ей показать хорошие результаты в любимой игре всех магов – в драконболе. Правила игры

просты: две команды по десять игроков, два дракона и пять мячей: чихательный, пламягасительный, одурительный, перцовый и обездвиживающий. Воротами служит пасть неприятельского дракона. Не каждому по силам забросить туда мяч, особенно потому, что битва ведется в воздухе. Плюс ко всему дракон соперничающей команды вовсе не сидит на месте, послушно разинув рот. Напротив, он стремительно перемещается, изрыгает огонь и изо всех сил пытается проглотить замешкавшихся игроков. Поэтому нередко получается, что до окончания матча добрая половина нападающих томится в тесном драконьем желудке и надеется, что кто-нибудь забросит ему в пасть перцовый мяч, который заставит дракона их выплюнуть.

Именно поэтому Таня и мечтала теперь узнать все о драконах и поладить с ними. Вспыльчивые, стремительные, яростные, драконы никому не подчинялись и не терпели никакой дрессировки. Даже к игрокам своей команды они привыкали с огромным трудом и часто по ошибке заглатывали их вместо игроков противника.

Таня вздохнула и перевернула страницу. До чего же тоскливо сидеть и зубрить один параграф за другим! Тем более что это не домашнее задание, а собственная блажь.

ЗАГАДКА ОГНЕМЕТАНИЯ

Если ваш дракон перестал выдыхать огонь, это свидетельствует о его внутреннем затухании. В этом случае должна помочь настойка красного перца, горчицы и серы обыкновенной в сочетании 3:4:2, разбавленная нитроглицерином пополам со ртутью. Поить три раза в день по восемь ведер. Смесь взрывоопасна! Не взбалтывать и тщательно соблюдать пропорцию.

– По восемь ведер! – повторила Таня, прикидывая, каким образом вливать эти ведра в дракона, если он, к примеру, не захочет открыть пасть! Ноздри ему, что ли, зажимать? Или, может, явиться с половником и: «Ути-пути! Открой ротик, малютка! Ложечку за мамочку, ложечку за папочку! И не вздумай толкать ведро, а то так рванет, что от мамочки шнурков не останется!»?

Таня поморщилась. Вечно в этих справочниках понапишут, а потом ломай голову, разбирайся!

«Надо будет спросить завтра у Тарараха. Уж он-то точно знает, как пичкать драконов», – подумала она.

Бессмертный питекантроп Тарарах – преподаватель ветеринарной магии – был ее любимым учителем. Пожалуй, только на нежитеведение к Медузии Горгоновой она ходила с таким же удовольствием. Да это и неудивительно, так как предметы во многом пересекались. Среди магических и полумагических существ встречалось немало опасной нежити, которую, перед тем как лечить, требовалось еще и укротить. Именно этим – укрощением нежити и изучением ее привычек – Медузия и занималась.

Неожиданно кто-то сильно толкнул дверь, и ввалилась Гробыня Склепова, соседка Тани по комнате. Гробыня была девочкой из черных магов, с очень специфическим чувством юмора. Ее кровать в форме гигантского гроба занимала почти все пространство у окна. А вешалкой ей служил скелет по прозвищу Паж. Пару раз в месяц он оживал и, щелкая зубами, начинал бродить по комнате. Однажды он даже сожрал Танины ботинки.

Одним словом, Гробыня Склепова была та еще особа. Худшей соседки по комнате не могло привидеться даже в кошмарном сне. Впрочем, Таня не жаловалась. Дочка дяди Германа Пипа, с которой она росла до того, как попала в Тибидохс, была ничуть не лучше.

Покосившись на Таню, Гробыня, не разуваясь, плюхнулась на кровать.

– Привет, дурацкая сиротка! У меня для тебя прекрасная новость, – заявила она. – От этой новости ты облысеешь, а на носу у тебя появится новая родинка, еще безобразнее той, которой ты лишилась по милости Той-Кого-Нет!

Таня оценивающе посмотрела на Гробыню, прикидывая, не запустить ли в нее боевой искрой. Ладно, пускай живет. Если Гробыня в чем-то и виновата, так только в том, что у нее дома был скользкий подоконник, а у детской кроватки, куда ее впервые положили, не оказалось дна.

– Ну и что за новость? – спросила она.

Гробыня сложила ладонь подзорной трубой и, нарочито затягивая паузу, с интересом стала разглядывать Таню в дырочку.

– Как, ты не знаешь? Ты в курсе, что тебя завтра отсюда выпирают? Только вообрази: возвращаешься к своему зелененькому дядечке-вурдалаку и его толстой жене, у которых ты жила на лоджии! Здравствуйте, вот и я, дайте мне дырку от бублика на обед и фантик от конфеты на сладкое!

– С какой это стати? Брось шутить, Склепова! – сказала Таня. Параллельно она припоминала, не натворила ли чего-нибудь в последнее время. Да нет, вроде все было нормально.

Гробыня фыркнула:

– Какие уж тут шуточки! Нас всех отсюда выпирают. Жаль, не тебя одну. Отправляют по домам, пока Тибидохс не отстроят заново. Заниматься тут все равно невозможно, вот Сарданапал и решил отослать всех учеников по домам. Наш декан, профессор Клопп, с ним согласился, так что мы, темные маги, тоже отчаливаем… Ту-ту, на тихом катере! Чао-какао, Тибидохс!

Гробыня встала и, распахнув шкаф, стала бросать на кровать вещи, явно определяя, что взять с собой, а что оставить.

– Не забыть мини-юбку из летучих мышей, перчатки с когтями и чулки на каблуках! Надо, чтобы у лопухоидов сразу глаза на лоб полезли, – бормотала она себе под нос.

«Это правда! Все правда!» – осознала вдруг Таня.

В глазах у нее потемнело. Справочник выскользнул из рук и раздраженно принялся летать по комнате, выдыхая языки пламени, точно заправский дракон. Таня этого даже не заметила. Неужели придется бросать такой родной, такой любимый Тибидохс и возвращаться к дяде Герману и тете Нинели, которые терпеть ее не могут, одевают в обноски и заставляют есть вермишель, такую скользкую, что она дохлым червяком висит на вилке, зато отлично прилепляется к кафелю в кухне?

Слезы сдавили Тане горло. Она не могла больше оставаться в комнате и выбежала в коридор. В общей гостиной она увидела Баб-Ягуна и Ваньку Валялкина, которые, отойдя к окну, о чем-то негромко совещались. Едва взглянув на их убитые лица, Таня догадалась, что им уже все известно. Так вот отчего сегодня они не заходили к ней целый день!

– Почему?! Почему вы мне не сказали?! А еще друзья называются! Разве честно, что я узнаю обо всем от Гробыни! – крикнула она и, заметив, что мальчишки разом повесили носы, бросилась вниз по лестнице.

– Погоди! Никто не понимает, почему Сарданапал так решил! Никто! Тут дело явно нечисто! – крикнул Ванька Валялкин, худенький вихрастый мальчуган в длинной желтой майке, которую когда-то подарил ему отец, и единственный из всех учеников упорно отказывающийся переодеться в плащ и мантию Тибидохса.

Лучший Танин друг, он две недели прятал под кроватью гарпию и лечил ей крыло. И это несмотря на то, что когти гарпии пропитаны смертельным ядом, а об их скверном характере ходят легенды!

Сейчас Ванька бросился было следом за Таней, но вскоре остановился и беспомощно сел на ступеньку.

Таня сама не помнила, как проскочила Зал Двух Стихий, свернула в широкий преподавательский коридор и оказалась у нового кабинета Сарданапала, куда он перебрался, когда рухнула Башня Привидений. Она толкнула дверь и, глотая слезы, вбежала туда.

Таня застала Сарданапала в минуту крайней занятости. Академик белой магии, лауреат премии Волшебных Подтяжек, глава легендарного Тибидохса Сарданапал Черноморов гонялся вокруг стола за своим золотым сфинксом. Голодные книги по черной магии, которыми он иногда пользовался для снятия заклятий, взволнованно подскакивали и бились о прутья большой клетки.

– Нет, ты видела этого нахала! Утащил у меня мясо. А мне книги кормить! – заметив Таню, пожаловался академик.

Роскошные усы Сарданапала гневно завивались в колечки, а длиннющая борода то становилась невидимой, то вновь появлялась.

Таня хотела что-то сказать, но не смогла. Она лишь всхлипнула и, повернувшись, собралась выбежать из кабинета. Сарданапал поймал ее за руку.

– Что с тобой, девочка? Опять снилась Чума-дель-Торт? – с беспокойством спросил он.

Во всем Тибидохсе только двое – сама Таня и академик – не боялись называть грозную волшебницу, повелительницу хаоса, по имени. Остальные предпочитали употреблять неопределенное «Та-Кого-Нет».

– Это п-правда? Правда, что завтра надо будет в?возвращаться к лопухоидам? – заикаясь, выговорила Таня.

Усы Сарданапала удрученно повисли.

– Увы, – вздохнул он. – Увы! Видит Древнир, я старался, чтобы вы узнали об этом как можно позже, но другого выхода просто нет… На пару месяцев придется прервать занятия. Я знаю, что тебе не хочется к дяде Герману и тете Нинели, но хотя бы на время… Иначе просто невозможно.

– Но почему?

Академик беспомощно развел руками, словно пытаясь разом охватить многочисленные трещины на стенах и потолке.

– Сама видишь! Тибидохс, которым мы всегда так гордились, походит на решето. Позавчера рухнула еще одна угловая башня, а остальные держатся на честном слове. Магия уже не помогает. Да и какая тут магия? Не положишь же между каждым кирпичом по заклинанию! А отстроить Тибидохс за одну ночь было бы не по силам даже великому Древниру.

– А циклопы? А богатыри Усыня, Горыня и Дубыня? Они же работают! – недоверчиво спросила Таня.

Сарданапал презрительно поморщился:

– Как работают, ты видела? Эти гиганты удивительно бестолковы. Одну стену поставят – две обрушат. В Тибидохсе холодно, неуютно. Атланты уже не держат своды – что они могут держать, когда все обвалилось? – и от безделья шатаются по коридорам. Вчера кто-то из них случайно наступил на профессора Клоппа – замечательного ученого и великолепного мага. Правда, в темноте его лысина смахивает на гриб, так что ошибку атлантов в принципе можно понять. У бедняги три закрытых перелома. Конечно, Ягге срастит ему кости, но потребуется время. Вот я и решил, что лучше вас всех выселить, хотя бы на время, и устроить капитальный ремонт. Согнать сюда всю нежить, всех леших, всех великанов, пригласить со стороны побольше джиннов – и заставить всех строить. Тогда будет толк.

– Но зачем нам уезжать? Мы могли бы жить в Большой Башне! Она же крепкая, да и места всем хватит! – цепляясь за последнюю соломинку, предложила Таня.

Усы Сарданапала выпрямились и заметались, как автомобильные дворники.

– Нет, нет и еще раз нет, – непреклонно сказал он. – Здесь никто не останется. Да, Большая Башня крепкая, но… Видишь ли, есть еще одна причина, о которой ты представления не имеешь…

Академик опасливо оглянулся на сфинкса, чуть наклонился, поднес палец к губам и прошептал:

– Только учти: то, что я скажу, секрет! Никто не должен об этом знать! Клянешься сохранить тайну?

Таня пообещала. Сарданапал склонился к самому ее уху и сказал негромко:

– Три дня назад мы с Медузией и Поклеп Поклепычем спустились в подвал и обнаружили, что фундамент дал трещины.

Таня пожала плечами. Она не увидела в этой новости ничего кошмарного или хотя бы интересного.

– Ну и что? – спросила она. – Трещин теперь везде полно! Вон угловая башня рухнула, и ничего, никто не испугался. Замазать их, да и все дела!

Сарданапал укоризненно посмотрел на нее:

– Ты не понимаешь. Трещины совсем близко от Жутких Ворот! И каждую секунду они могут пойти вглубь. Тогда из темницы вырвется хаос, вырвутся древние боги и не оставят от острова камня на камне! Это главная причина, по которой мы настаиваем, чтобы все ученики покинули Тибидохс. Здесь останемся только мы, преподаватели, и займемся ремонтом всерьез. Надеюсь, мы сумеем укрепить подвалы и создать прочную магическую преграду. Только помни: никому ни слова!

– Договорились, – кивнула Таня.

Озабоченность Сарданапала передалась и ей. Теперь она понимала, чем опасны трещины в фундаменте. Ведь Тибидохс не только высшая школа для трудновоспитуемых юных волшебников с белым и черным отделениями. Тибидохс – это еще и крепость-тюрьма, в подвалах которой заточены древние духи, языческие боги и хаос.

После того как Шурасик, порабощенный Той-Кого-Нет, золотым мечом перерубил волос Древнира, тысячелетиями сохранявшийся баланс сил между добром и злом был нарушен. И хотя она, Таня Гроттер, сумела не позволить Чуме-дель-Торт открыть Жуткие Ворота и освободить хаос, такая угроза по-прежнему существовала. Силы зла бессмертны. Они там, в подвале, – ревут и сотрясают Ворота. Теперь все время придется быть начеку.

– Можно я останусь? Я буду помогать. Ну пожалуйста! – попросила Таня.

Сарданапал покачал головой:

– Невозможно. Если останешься ты, захотят остаться и другие, а к чему это может привести, сама понимаешь… Мы и так идем на риск – отпускаем в мир к лопухоидам целую кучу недоученных волшебников! Кошмар! Поклеп Поклепыч уже сейчас в ужасе от того, что вы там натворите.

Тане стало стыдно, что она не смогла сдержаться и ворвалась в кабинет к академику. Теперь, когда она узнала правду, ей стало ясно, что решение Сарданапала было единственно верным и отменить его не удастся.

– Кстати, Танюш, у меня к тебе одно поручение… – продолжал академик. – Не в службу, а в дружбу. Тебе придется кое-что захватить с собой в мир к лопухоидам. Медузия подумала, и… э-э… я решил, что во время ремонта многое может пострадать или потеряться. Будет лучше, если мы отдадим это тому, кому доверяем.

– Что взять с собой? – заинтересовалась Таня.

Сарданапал наморщил лоб. Его усы запрыгали с таким оживлением и вдохновением, точно дирижировали симфонией.

– Во-первых, ты возьмешь с собой Черные Шторы… – сказал он.

Таня едва не застонала. Только Черных Штор ей не хватало! Можно подумать, что они здесь, в Тибидохсе, попортили ей мало крови.

– Ой, только не это! – возразила она. – Зачем они мне нужны? Они же будут ночью летать и подглядывать сны. Или напугают кого-нибудь до полусмерти.

– Вот именно поэтому за ними кто-то и должен следить, – парировал Сарданапал.

Таня кивнула. Она знала, что спорить с главой белого отделения Тибидохса бесполезно. Особенно когда Медузия за него подумала, а он решил…

– А еще тебе нужно будет захватить с собой вот это! – Сарданапал щелкнул пальцами, и из-под его стола выполз здоровенный кожаный чемодан.

Чемодан взлетел и на огромной скорости помчался к Тане. Девочка в испуге заслонилась ладонями, уверенная, что ее сейчас сшибет с ног. Но чемодан оказался легким. Похоже было, что он вообще пустой.

– А что там внутри? – спросила Таня, потянувшись к поблескивающим замкам.

– СТОП! А вот открывать его не надо! – быстро сказал академик.

– Почему?

– Видишь ли… – Сарданапал замялся, оценивающе покосившись на Таню. – Ну да ты все равно узнаешь. Там привидения.

– Привидения?.. – уныло переспросила Таня. Рядом с привидениями Черные Шторы, которые ей подсунули вначале, сразу стали казаться пустяком. – А какие там привидения? Надеюсь, не Безглазый Ужас?

– Что ты, что ты! – заулыбался академик. – Ужас мы отдадим кому-нибудь из старшекурсников. В этом чемодане всего лишь Поручик Ржевский и Недолеченная Дама… Забери их с собой, а то они нам только мешают. Разумеется, нужно быть очень осторожной: лопухоиды ни за что не должны узнать, что у тебя в чемодане. Они очень неправильно относятся к привидениям. Некоторые, говорят, даже хлопаются в обморок.

Таня убито уселась на чемодан. Вот так нагрузочка – совершенно в духе академика Черноморова. Ржевский опять будет отмачивать свои идиотские шуточки и щеголять двенадцатью ножами в спине, а Недолеченная Дама с утра до вечера стонать и жаловаться на болячки.

– Поверь, волноваться тебе не о чем! – бодро продолжал академик, с каждой секундой все больше воодушевляясь. – Видишь на ручке сургучную печать? На сургуче оттиск моего кольца. Привидения боятся его до жути. Недаром кольцо когда-то принадлежало повелителю духов! Но даже если бы сургуча и не было, они все равно бы не вылетели.

– Почему? Разве привидения не проходят сквозь каменную кладку, не просачиваются сквозь стены? А тут всего лишь чемодан, – недоверчиво сказала Таня.

– Это особенный чемодан. Видишь ли, он сделан из кожи Минотавра, грозного полубыка, которого когда-то победил Тесей. Привидениям сквозь нее не пройти… Вот смотри!

Сарданапал поднял чемодан и энергично встряхнул его. Из чемодана, правда, никто не вывалился, зато заточенные в нем привидения оживились.

– Ура! Да здравствуют качельки! Еще хочу! – с хохотом закричал Поручик Ржевский, а Недолеченная Дама застонала, что умирает, и потребовала, чтобы ей немедленно вызвали доктора.

– Я не могу больше находиться в обществе этого хама! Он не меняет носки и все время рассказывает одни и те же анекдоты! Он курит вонючие папиросы! Он наступил на мою шляпу с розочками! – пожаловалась она.

– Она все врет! – возмущенно закричал Поручик. – Это меня от нее надо спасать! Она целый день пьет йод и перечисляет свои болячки! А эта ее шляпка с розочкой! Еще бы кактус нацепила! В гробу я ее видел, в белых тапочках!

Таня с академиком понимающе переглянулись. Недолеченная Дама опять запричитала, грозя, что сейчас прибьет этого мужлана зонтиком.

– Не голоси! Чего же ты хочешь? – спросил у нее Сарданапал.

– Поставьте мне градусник! Дайте мне микстуры! Выпейте со мной рюмку зеленки на брудершафт! Или всех поубиваю! Подсыплю в чай крысиной отравы! Буду швыряться моим аппендиксом! – пригрозила Недолеченная Дама.

Академик Черноморов улыбнулся и покрутил у виска пальцем. Похоже, угрозы призрака его позабавили.

– Это они и у дяди Германа будут бесплатные концерты закатывать? – поинтересовалась Таня. – К нам же весь дом сбежится!

– А печать на что? Вот смотри! Берешь ее вот так и слегка проворачиваешь… Именно слегка, чтобы не оборвать проволочку! – Сарданапал сжал двумя пальцами сургуч, слегка повернул его, и голоса привидений разом смолкли, словно кто-то выключил звук.

– Вот и все дела! Это я называю «ставить на место» и «подкручивать гайки». Пока печать цела и чемодан закрыт, с призраками у тебя не будет никаких

хлопот. Порой ты можешь даже позволять им проветриться, чтобы они не зачахли от тоски. Большого вреда я в этом не вижу, – сказал академик.

Неожиданно его золотой сфинкс насторожил уши и негромко зарычал. В коридоре послышались торопливые шаги, и в кабинет, спотыкаясь, вбежала Зубодериха. Она была маленькая, кругленькая, молодая, с челкой на глазах, как у пони. У белых магов она преподавала снятие сглаза, а у черных – его наложение. Обожала читать заумные стихи и нюхать цветочки. Правда, это не мешало ей в учебных целях насылать на учеников сильную порчу, так что они иногда по полчаса с резью в животе катались по полу, пытаясь вспомнить отменяющее заклинание.

– Это было ваше домашнее задание! В следующий раз будете ответственнее относиться к урокам! – говорила в таких случаях Зубодериха, задумчиво крутя в пальцах василек или ромашку.

Теперь же преподавательница по снятию сглаза вела себя так, будто была вне себя от ужаса.

– Академик! – крикнула она, задыхаясь. – Скорее!.. Исчезающий Этаж… он опять появился… Я только что поднималась по лестнице и видела, как туда скользнула чья-то тень, а потом… Это просто кошмар! Я едва жива!

Таня была поражена. До этого она могла поклясться, что преподавательницу по снятию сглаза совсем не просто напугать. Однажды во время урока Безглазый Ужас – самый жуткий призрак во всем Тибидохсе – подкрался к ней и с жутким воплем кинулся на нее сзади. Скорее всего, Ужас рассчитывал, что она завизжит и опозорится перед всем курсом, да только не на ту напал. Слегка обернувшись, Зубодериха защитным заклинанием впечатала его в стену и как ни в чем не бывало продолжала объяснять тему. После этого случая ребята дали ей прозвище Великая Зуби, о котором она знала и которым гордилась.

Однако теперь Великую Зуби сложно было узнать. Неужели это она, едва живая от страха, висла у Сарданапала на рукаве?

– Академик, сделайте же что-нибудь! Умоляю! – восклицала она, то и дело испуганно оглядываясь. – Почему вы молчите? Вы же знаете, что раз Этаж появился, то… Надо немедленно что-то делать! По лестнице ведь может кто-то

пойти, и тогда… Правда, я встретила Поклепа, но если он не успеет…

– Тихо, Зуби! Потом поговорим! Мы не одни! – резко одернул ее Сарданапал, кивнув на Таню.

Спохватившись, Зубодериха зажала себе рот ладонью.

– Тебе пора идти!.. – Академик повернулся к Тане. – Передай, что завтра после обеда все должны быть в Зале Двух Стихий. Абсолютно все! Да, и чемодан захвати!

С любопытством покосившись на Зубодериху, Таня попрощалась и вышла. На секунду у нее мелькнула мысль слегка подзадержаться у дверей, но следом за ней из кабинета выскользнул золотой сфинкс и встал на страже. Академик Сарданапал умел охранять свои секреты.

– Не очень-то и хотелось! – хмыкнула Таня и пошла к себе. – Два месяца… Два месяца с дядей Германом, Пипой и тетей Нинелью, когда здесь начинается самое интересное! Взвыть можно! Уж лучше Чума-дель-Торт, чем дядя Герман! – ворчала она, пиная перед собой чемодан с привидениями.

Она уже подходила к Главной Лестнице, когда навстречу ей выскочил Поклеп Поклепыч. Теперь завуч был без рыбины, зато до глаз заляпан тиной. Похоже, его свидание опять завершилось неудачно.

Заметив Таню, завуч решительно преградил ей дорогу. Его маленькие бесцветные глазки, собранные в кучку, впились девочке в лоб. Как бывало и прежде, Тане почудилось, что внутри у нее все замерзает, – так действовал этот страшный властный взгляд.

– Ты куда идешь? – рявкнул Поклеп. – А ну назад! По Главной Лестнице нельзя ходить!

– Почему нельзя? Всегда же было можно! – удивилась Таня.

– Не твое дело, почему нельзя! С этой минуты я закрываю эту Лестницу! Навсегда! – крикнул Поклеп Поклепыч и, отвернувшись, стал торопливо

накладывать защитные заклинания.

Красные искры слетали с его кольца вперемежку с зелеными. Когда нужно было поставить защиту, завуч Тибидохса всегда охотно прибегал к черной магии.

А по коридору к ним уже топали циклопы. Мгновение – и они уже замерли по обеим сторонам от входа.

– Стоять здесь и никого не пускать! – велел им Поклеп. – А ты, Гроттер, иди! Здесь нельзя оставаться!

«Наверняка это тоже связано с Исчезающим Этажом… Ну разве это честно, что от нас все скрывают?» – с грустью подумала Таня.

Глава 2

Купидончик в шкафу

Во всей Москве не было семейства зануднее, склочнее и невыносимее, чем семейство Дурневых. Состояло оно из дяди Германа, тети Нинели и их дочки Пипы (сокращенно от Пенелопы). Даже не верилось, что Дурневы состояли в родстве с Гроттерами. Правда, родство это было дальним: дядя Герман приходился троюродным племянником бабушки Леопольда Гроттера, отца Тани.

Других родственников среди лопухоидов у Гроттеров не было. Именно по этой причине, когда Танины родители погибли в схватке с Чумой-дель-Торт, Сарданапал и Медузия подкинули годовалую девочку дяде Герману, положив ее на порог в футляре от контрабаса.

С этим футляром из драконьей кожи Таня и стояла теперь у дверей квартиры Дурневых. Только сейчас в футляре лежал летающий контрабас, а в левой руке она держала сверток с Черными Шторами, перевязанный особым, обуздывающим магию шнурком. Пока шнурок был цел, Шторы были не в состоянии выкинуть ни одного из своих фокусов.

Рядом с Таниной ногой стоял чемодан, в котором вполголоса переругивались привидения. Дама донимала Поручика рассказами о своих болячках, которых было у нее больше, чем значилось в медицинской энциклопедии. Во всяком случае, за те долгие часы, что Таня летела над океаном, сжимая коленями лакированные бока контрабаса, Дама успела перечислить только те свои недуги, которые начинались на букву «а».

Тане это чем-то напомнило дядю Германа с его чудовищной мнительностью. Стоило Дурневу случайно чихнуть, как он немедленно ехал консультироваться к своему доктору. Если же к чиху добавлялся еще и насморк, дядя Герман ложился на кровать, скрещивал на груди ручки и принимался многословно прощаться с тетей Нинелью и Пипой.

«Два месяца! Я должна прожить тут целых два месяца!» – повторяла Таня, с тоской глядя на дверь и не решаясь нажать на кнопку звонка.

– Тише! Я сейчас буду звонить! – сказала она разошедшимся призракам.

– Ухти-пухти, как страшно! Я уже в обмороке! – хохоча, завопил Поручик Ржевский.

– Как, ты сказала, зовут твоих родственников? Дядя Пульман и тетя Фланель? Я покажу им мои гланды и расскажу про печеночные колики!.. Уверена, это будет для них поучительно! – с воодушевлением сказала Недолеченная Дама.

– О да! О да! Куда уж интереснее! – передразнил Поручик. – У меня просто голова от интереса отваливается! Ой, держите ее!..

Чмяк! Недолеченная Дама громко взвизгнула.

– А вы, армейский остряк, приставьте свою голову на место! Нашли, где головами разбрасываться!.. Брр, мерзость какая! Она так противно моргает у меня на коленях! – сердито крикнула она.

Поручик снова разразился идиотским смехом.

– Я вас предупреждала! Или сидите тихо, или… Короче, сами напросились! – Таня поправила на чемодане сургучную печать, и оба привидения мигом притихли.

Набравшись храбрости, Таня нажала на кнопку звонка.

«Интересно, как Дурневы отнесутся к моему возвращению? Скорее всего, не очень обрадуются!» – подумала она.

Дребезг звонка еще не смолк, а в квартире уже залаяла такса. Таксу звали Полтора Километра. Толстая и склочная, она была достойным членом семейства Дурневых. Ее любимым занятием было хватать гостей за пятки. Если же ее прогоняли в коридор, то Полтора Километра от злости обслюнявила стоящие там ботинки.

Еще через полминуты в глубине квартиры распахнулась дверь, и по линолеуму гулко забухали толстые пятки. Таня поежилась. Тетя Нинель! Ее шаги можно было узнать из тысячи.

– Почему ты лаешь, мой крысеночек? Иди к мамуле на ручки! – засюсюкала тетя Нинель.

Ее толстые пятки перестали наконец шлепать, и Таня поняла, что ее пристально разглядывают в глазок.

– О нет! – дурным голосом взвыла тетя Нинель. – О нет! Герман! Герман! Это твоя племянница! Недаром меня сегодня всю ночь душил какой-то скелет!

Послышались еще чьи-то шаги. На этот раз они были негромкие и звучали примерно так: «цук-цук-цук». Дядя Герман был втрое легче своей супруги. Тощий, с зеленым лицом, он сильно смахивал на вурдалака. И даже, кажется, был в родстве с графом Дракулой. Но не по Таниной линии, а по какой-то совсем другой. Так, во всяком случае, утверждала Ягге.

Вот только, в отличие от своего клыкастого родственника, дядя Герман не был магом. И вообще не верил в волшебство. Вот бы он удивился, если бы узнал, что эти несколько месяцев Таня жила не на вокзале, а училась в настоящей

школе для магов!

– Да, это она! Я же говорил: ударят морозы, и она притащится как миленькая! – услышала Таня ехидный голос дяди Германа. – Пипа, Пипа, иди сюда! Посмотри и ты тоже!

Догадавшись, что у глазка сейчас появится злорадствующая Пипа, Таня в профилактических целях высунула язык. Ей было хорошо известно, что дурневская дочка терпеть ее не может. Все раннее детство Тани было отравлено общением с Пипой. Сколько раз та обижала ее, запирала на лоджии, ябедничала, устраивала пакости! За то время, что Таня была в школе магии Тибидохс, Пипа едва ли могла измениться к лучшему.

– Танька Гроттер! О нет! Только ее тут не хватало! Я так надеялась, что с ней что-нибудь случилось! Что ей кирпич на голову упал или ее в тюрьму посадили! – завопила Пипа, отрываясь от глазка.

– Пипочка, что ты говоришь! Так нельзя. Мы должны жалеть бедную сироту. Она же не виновата, что у нее были никчемные родители и она сама точно такая же никчемная, – елейным голоском сказала тетя Нинель.

– Не-ет! Мам, пап, не открывайте! Давайте забаррикадируемся и не впустим ее! Пусть катится откуда пришла! – завизжала Пипа, оттаскивая мамашу от двери.

– Успокойся, Пипочка! Нельзя ее не впустить. Об этом узнают журналисты и испортят твоему папе карьеру. Лучше потом мы потихоньку сплавим ее в интернат строгого режима для детей с уголовными наклонностями, – зашептала тетя Нинель.

– Почему потом, а не прямо сейчас? – закричала Пипа. – Если вы ее впустите, я уйду из дома! Это из-за нее я хожу лысая! И чаем меня тоже она ошпарила!.. Дайте ей коврик, и пусть ночует на лестнице! Ясно вам?

Однако тетя Нинель и дядя Герман решили иначе. Щелкнул замок, дверь распахнулась, и Таня оказалась лицом к лицу с Дурневыми. Впереди всех неприступным бастионом возвышалась тетя Нинель, похожая на бегемота в домашнем халате и мягких тапочках. В руках у нее клокотала такса. Чуть сбоку стоял дядя Герман, а из-за его спины выглядывала Пипа.

Волосы, которых Пипа лишилась, попытавшись залить клеем волшебную книгу, успели слегка отрасти и теперь торчали коротким колючим ежиком. Зато прыщей у Пипы стало вчетверо больше. И еще она была в пижаме. «Значит, у лопухоидов теперь ночь! Ой, я же сама видела, что ночь! Как же я сразу не сообразила? Перебудила всех!» – спохватилась Таня.

Однако в данном случае это обстоятельство сыграло ей на руку.

– Ты знаешь, сколько времени? Почти три часа! – раздраженно сказала тетя Нинель. – Сегодня уже поздно, я с тобой завтра поговорю!

Дядя Герман пока молчал, однако его маленькие глазки злобно сверлили незнакомый кожаный чемодан и сверток с Черными Шторами. Таня догадалась, что сейчас Дурнев непременно поинтересуется, что это такое и где она взяла эти вещи.

– Дядя Герман, а как поживают ваши кролики? – спросила она, надеясь смягчить его. – Уже спят?

Ее вопрос – самый, казалось бы, невинный – заставил всех Дурневых посинеть от злости. Они терпеть не могли вспоминать об этом эпизоде в их жизни. О том, как дядя Герман, пытаясь дать Тане затрещину, попал рукой по магическому контрабасу. А волшебные инструменты не любят, когда с ними так обращаются. В результате дядя Герман возомнил себя кроликом Сюсюкалкой, завел в квартире целых сто ушастых собратьев и даже дал интервью по телевизору, заявив, что отказывается от политической карьеры, потому что обожает животных…

– Чтоб я больше не слышала о кроликах! Мы отдали их в зоопарк! Ясно тебе? Хищников тоже надо кормить, – злорадно произнесла тетя Нинель.

– Между прочим, папулю снова избрали депутатом! Избиратели почти единогласно проголосовали за него после того интервью… Папуля теперь жутко популярен! У него даже автографы берут! – добавила Пипа.

– Но ведь дядя Герман… Он и правда их любил! – удивилась Таня. – Он же сам был кроликом Сюсю…

Дядя Герман затопал ногами. Так как он был очень тощий, то, чтобы топать громче, ему приходилось высоко подпрыгивать.

– НЕТ! Молчать! Никем я не был! Я Герман Дурнев, депутат! Глава самой доброй фракции и председатель самого гуманного комитета! Ясно тебе?! – брызжа слюной, взревел он.

Он так позеленел, что Таня испугалась, что он ее ударит, и на всякий случай отодвинулась.

– Ясно, ясно. Вообще-то я уже иду спать… – сказала она, грустно подумав, что как кролик дядя Герман был куда симпатичнее.

Хоть дядя Герман едва ее не придушил, зато воспоминание о «морковно-капустном» периоде его жизни заставило самого доброго депутата забыть про подозрительный чемодан. Он сжал руками виски и, раскачиваясь как маятник, ушел в спальню. За ним, семеня короткими ножками, убежала Пипа. С Таней осталась только тетя Нинель.

– Сейчас зима, на лоджии холодно, поэтому ляжешь в большой комнате! И попробуй только шастать ночью по квартире – шкуру спущу! Свет не включать! Телевизор не трогать! – сказала она, глядя куда-то в стену над Таниной головой.

Тетя Нинель закрыла входную дверь на все замки, задвинула цепочку и удалилась вслед за дядей Германом.

«Добро пожаловать! Вот я и дома!» – грустно подумала Таня.

Забравшись на диван, она обхватила руками колени. Ей вспомнилось прощание с Баб-Ягуном и Ванькой Валялкиным. Расставаясь, они обменялись адресами. Будут ли они писать? Всего шесть часов назад она вылетела из Тибидохса, но уже теперь одиночество глодало ее как червь. Ей ужасно нужен был кто-то близкий и любящий, кому можно обо всем рассказать.

Она задвинула чемодан с привидениями под диван, положила сверток с Черными Шторами на кресло и легла, прижав к себе контрабас.

– Только ты у меня остался! Даже не знаю, сможем ли мы здесь с тобой летать, – всхлипывая, сказала она.

Струны контрабаса печально загудели.

* * *

Потянулись тоскливейшие дни. Дурневы словно сговорились отравить Тане жизнь, сделать ее как можно невыносимее.

Пипа шпионила за ней целыми днями и, чуть что, мчалась ябедничать. Тетя Нинель донимала бесконечными придирками, а дядя Герман вообще ее не замечал, словно вместо Тани было пустое место. Он даже по имени к ней почти не обращался, а когда однажды в кухне Таня случайно села на его стул, дядя Герман брезгливо потребовал:

– Уберите это отсюда! Это здесь не сидело!

Зато когда к ним приходили журналисты, дядя Герман неузнаваемо преображался. Он заставлял Таню сесть рядом с собой, обнимал ее за плечи и говорил:

– Я ужасно рад, что она нашлась! Она мне как родная! Хотя, знаете, с этой девчонкой столько проблем. Мы с женой взяли ее из трудной семьи…

– Почти что с помойки! – немедленно влезала Пипа.

– Дочка! Это невежливо! – фальшиво ужасалась тетя Нинель, но тотчас начинала громко шептать: – Хотя, говоря по секрету, так оно и было… Каких трудов нам стоило ее отмыть и элементарно научить пользоваться ножом и вилкой!

Таня терпеливо сносила все это, хотя в сто раз была чистоплотнее Пипы, а уж вилкой пользовалась явно лучше самой тети Нинели, которая чистила ею ногти. Просто Дурневы обожали говорить гадости про Леопольда Гроттера и его жену Софью.

До десяти лет Таня не знала, что ее родители погибли. Она думала, что ее папа сидит в тюрьме, а мама попрошайничает на вокзале. Так ей, во всяком случае, врали Дурневы. Лишь в Тибидохсе она узнала правду: Леопольд и Софья Гроттеры были величайшими магами и погибли, защищая ее, когда Тане не исполнилось еще и года.

В школе же – в ее старой лопухоидной школе – все было вообще кошмарно. Таня и не предполагала, что успела так от нее отвыкнуть. Все предметы казались ей ужасно бестолковыми. Не было ни летающих журналов, ни закопченных котлов, ни преподавателей, спускавшихся с потолка на гамаке, как профессор Клопп. Никто не лечил на уроках грифонов, как Тарарах, и не накладывал сглаз, как Зубодериха, чтобы веселее было учить заклинания. Все было скучно и обычно. А самое скверное – что не было магического пилотажа, любимого предмета Тани.

Одноклассники, науськанные Пипой, смотрели на Таню подозрительно и все допытывались, куда подевалась ее родинка с кончика носа. Она что, пластическую операцию сделала? Откуда им было знать, что то, что они принимали за некрасивую родинку, на самом деле было талисманом Четырех Стихий, исчезнувшим во время схватки Тани с Чумой-дель-Торт?

Зато Генка Бульонов – бестолковый увалень, когда-то случайно подглядевший, как Таня летает на контрабасе, – ходил за ней по пятам и приставал с дурацкими расспросами. Вскоре Тане это надоело, и она всерьез стала подумывать, не наложить ли на него какую-нибудь небольшую порчу, чтобы он отстал.

Вернувшись в пятницу из школы, Таня обнаружила, что тетя Нинель стоит у кресла и держит в руках сверток с Черными Шторами.

«Вот дырявая голова! И почему я их не спрятала?» – спохватилась девочка.

С криком «Не открывайте! Не надо!» Таня бросилась к свертку, но тетя Нинель уже щелкнула ножницами. Перерезанный магический шнурок скользнул на пол и, превратившись в юркую змейку, быстро уполз за батарею.

– Какие тяжелые кисти! А знаешь, ничего! Старомодные, но стиль есть!.. Где ты их взяла? – подозрительно спросила Дурнева, разглядывая шторы на свет.

– Мне их дали…

– Ах да, знаю… тот самый чокнутый старичок! – презрительно воскликнула тетя Нинель.

Зная, что Дурневы все равно ей не поверят, Таня ничего не рассказала им про Тибидохс. Они же отчего-то решили, что девочка прожила целый месяц у какого-то старичка и его жены, адрес которых отказывается говорить. И этот задвинутый старичок якобы и подарил Тане шторы и чемодан.

– Знаешь, что я решила? Я повешу их у себя в спальне! Это будет стильно! – заявила тетя Нинель. – Только вначале их нужно сдать в химчистку! На них грязи три килограмма!

– Их нельзя в химчистку! Ни в коем случае! – испугалась Таня, заметив, что края штор гневно затрепетали.

Как всякий уважающий себя волшебный предмет, шторы ужасно гордились, что их не стирали со времен Древнира.

– Можно, нельзя… У тебя забыла спросить! Марш делать уроки! – фыркнула тетя Нинель и ушла, перекинув Черные Шторы через плечо.

Разумеется, она не могла заметить того, что отлично было видно стоявшей позади Тане. А именно, что Черные Шторы мстительно изобразили скрещенные кости и череп. Причем череп почему-то неуловимо смахивал на лицо тети Нинели.

Таня вздохнула, поняв, что тетю Нинель ей не переубедить. Она толстокожая, как бегемот, и упрямая, как целое стадо ослов.

– Ну и ладно! Я предупреждала. Зато теперь она не будет жаловаться на бессонницу! – пробурчала Таня и заглянула под диван, проверяя, цел ли чемодан с привидениями.

Чемодан был на месте, и Таня успокоилась. Значит, Пипа сюда еще не добралась, хотя и шастала все время где-то поблизости.

* * *

Той ночью Таня долго не могла заснуть. Она лежала на диване, смотрела в белеющий над головой потолок со здоровенной хрустальной люстрой, похожей на осиное гнездо, и думала о Тибидохсе.

За окном выла вьюга. Она подхватывала сухой колючий снег и, покрутив его, бросала в окно. Тане постоянно казалось, что кто-то барабанит в стекло, поэтому, когда в форточку на самом деле постучали, она не сразу обратила на это внимание.

Только когда стук стал совсем уж громким, Таня повернулась и… едва не закричала от восторга! Невероятно! Снаружи висел купидончик в красных подтяжках, продрогший до невозможности.

Купидоны, или амуры, были почтальонами волшебного мира. Целыми днями с сумками через плечо они носились от одного мага к другому, раздавая им письма, посылки и телеграммы.

Таня распахнула форточку. Купидончик влетел в комнату и, сердито попискивая, принялся вытряхивать снег из колчана со стрелами. Потом он точно так же стал трясти свою почтальонскую сумку, и из нее выпало два конверта, слегка размокших от снега. Одно письмо было от Баб-Ягуна, другое от Ваньки Валялкина.

– Ура! Почта! – обрадовалась Таня, прижимая письма к груди.

Так и не решив, какое из двух читать первым, она с закрытыми глазами перетасовала конверты и открыла тот, что оказался сверху. В нем было послание от Ваньки Валялкина.

Привет! У меня вроде все нормально. К родителям я не пошел, ты же знаешь, какие они у меня. Пьют просто жутко. Но если бы я к ним заявился, стали бы за ремень хвататься – это ясное дело.

Живу я теперь у бабушки, скучаю по Тибидохсу… Помнишь, как здорово было лечить жар-птиц и единорогов? А вот с гарпиями лучше не связываться: они кошмарно пахнут и когти у них острые.

Тут недавно в школе один парень, старше меня, ему уже тринадцать, стал задираться, влез в мой рюкзак и выпил настойку для русалок. Рыбья чешуя ему страшно не идет, ведь она у него и на ладонях, и на щеках, и на шее, а я не знаю, как сделать, чтобы она пропала. Написал Тарараху, но он пока не ответил. И неизвестно, ответит ли, потому что с грамотой у питекантропов не ахти. Но ведь Тарарах и попросить кого-нибудь может, если захочет… Того же Клоппа, или Ягге, или Зубодериху. С другой стороны, этому парню так и надо, потому что он мне просто житья не давал. Вот такие вот дела! И ты мне тоже пиши, не пропадай.

Я часто о тебе вспоминаю. Ведь ты же знаешь, что я… (дальше несколько слов было много-много раз зачеркнуто). Короче, пока! Пиши!

Кстати, совсем забыл тебе сказать. Недавно я видел огромную птицу. Ну ужасно похожа на Мертвого Грифа! Правда, я так и не понял, он это или не он. Если он, непонятно, что он делает в мире у лопухоидов. Ну все, еще раз пока, на всякий случай будь поосторожнее.

Твой друг Ванька

Внимательно рассмотрев на свет зачеркнутые слова, Таня засмеялась и вскрыла конверт от Баб-Ягуна. Если Ванька написал свое письмо на обычном листе, криво вырванном из школьной тетради, то Баб-Ягун использовал большой кусок бересты. На обратной стороне бересты был рецепт его бабки Ягге, в котором она прописывала кому-то крокодильи слезы и молодильные яблоки.

Письмо Баб-Ягуна было совершенно в его духе, то есть без «здрасьте», без «до свидания», даже без знаков препинания. Сплошной поток сознания: что вижу, то и пишу.

Зато пришло оно не откуда-нибудь, а из самого Тибидохса. Баб-Ягун был единственным учеником, которому позволили остаться в школе на время ремонта. Сарданапал просто не мог никуда его отдать, потому что в мире лопухоидов у Баб-Ягуна не было родственников. У него вообще никого не было,

кроме Ягге.

Я тут недавно пылесос разобрал поставил новую насадку на трубу теперь он у меня не будет чихать при взлете правда бабушка говорит всякий раз как я чиню пылесос она мне потом кости сращивает потому что нечего внутрь лезть если руки растут как у меня а как они у меня растут нормально как у всех интересно а ты когда-нибудь разбирала свой контрабас хотя там наверное ничего внутри нет стоящего Таня ты отлично играешь в драконбол мы все время с бабусей тебя вспоминаем как ты здорово забросила тогда пламягасительный мяч в пасть дракону оборотней мы тогда все просто обалдели кое-кто вообще чуть со скамейки не грохнулся жаль только матч не был закончен потому что драконы подрались а этот свинья Шурасик перерубил волос Древнира и заварил всю эту кашу ну да ладно авось еще поиграем недавно я был в ангарах у драконов Гоярын теперь в спячке а у Ртутного рана от копья уже заросла хотя Тарарах каждый день к нему приходит как и раньше.

Тут чего-то странное в Тибидохсе творится мне ничего не говорят да только Поклеп как ты помнишь перекрыл Главную Лестницу и они все чего-то боятся понаставили всюду кучу заклинаний просто невозможно стало ходить каждую секунду чего-то срабатывает а еще тут сейчас такая стройка идет что ого-го домовых отовсюду собралось и леших и великанов и нежити всякой ну прям не поверишь сколько строят днем и ночью Усыня с Горыней только успевают им камни подносить а Дубыня не носит потому что ему подвесной мост на голову упал он хотел выяснить как мост работает и сунулся макушкой бабуся говорит другого бы прибило а он ничего только получил сотрясение мозга и с тех пор все время хихикает но скоро перестанет.

Как там твой дядя Герман не очень достает если очень ты мне скажи я с ним разберусь он ведь такой же вредный как Та-Кого-Нет да вот еще одна новость когда в подвале разбирали завалы Ту-Кого-Нет не нашли Сарданапал говорит ничего страшного но ведь должно было хоть маленькое пятнышко остаться.

Недавно я слышал как Зубодериха говорила про это с Тарарахом только они сразу замолчали когда меня увидели и велели мне идти куда я шел а я никуда не шел я так просто гулял потому что мне одному тут скучно бабуся говорит уроки учи но чего я больной учиться когда никто не учится и занятий нет может я скоро попытаюсь пробраться на ту Лестницу которую Поклеп перекрыл потому что ужасно неудобно все время далеко ходить Лестница как Лестница чего там

может быть страшного.

Ну все я пошел а то купидону надоело ждать пока я письмо закончу и он тут у бабуси конфеты искал и все настойки разлил ну и влетит же мне потому что он то улетит а бабуся у меня с характером ей обязательно надо кому-нибудь по первое число всыпать…

Таня перечитала письмо Баб-Ягуна два или три раза, прежде чем разобралась в его каракулях.

«Опять свой пылесос разобрал!» – весело подумала она, решив, что Баб-Ягун ничуть не изменился. Все так же любит возиться с магической техникой. Лучше бы он правда унял свои беспокойные ручки, потому что пылесос с вертикальным взлетом штука деликатная и требует особого обращения.

Тане захотелось заодно перечитать и письмо от Ваньки, но тут кто-то принялся возмущенно попискивать и дергать ее за ночную рубашку. Купидончик! Она совсем о нем забыла! Тане стало совестно, что она не побеспокоилась о почтальоне.

– Ты замерз? Хочешь у батареи погреться? – спросила она.

Купидончик замотал головой и показал пальцем сперва на свой рот, а затем на живот. Он явно требовал, чтобы его накормили. Пухлые купидончики были ужасными сладкоежками. Недаром за доставку почты с ними обычно рассчитывались пирожными или конфетами. Никаких других средств оплаты они не признавали.

– Хорошо, пошли на кухню. Только тихо… А то еще проснется кто-нибудь, – прошептала Таня и первой выскользнула в коридор.

Квартира самого доброго депутата, родственника графа Дракулы Германа Дурнева была совсем не маленькой. Одних только туалетов тут было целых три штуки, а в коридоре отыскалось даже место для пальмы. Вот только Тане было здесь неуютно. Куда больше ей нравились запутанные лабиринты Тибидохса – с гудящими сквозняками, с таинственными ларями в нишах и с проеденными

молью турецкими коврами-самолетами, в которых мягко утопали ноги.

Купидончик, не отставая, летел за Таней, в предвкушении сладкого хлопая подтяжками. В темноте он не разглядел поворота и врезался лбом в дверь комнаты Пипы. Бабах!

– Кто ко мне приперся? Чего надо? – сонным голосом крикнула из-за двери дочка дяди Германа.

Купидончик, растирая шишку на лбу, принялся возмущенно пищать, высказывая все, что думает об этой двери. Таня схватила его и зажала рот.

– Я спрашиваю: кто там? – нервно повторила из-за двери Пипа.

Таня поняла, что еще секунда – и Пипа начнет визжать. Надо было срочно что-то придумать.

– Ав-ав! – негромко гавкнула Таня, царапая ногтями дверь. Уж что-что, а передразнивать таксу она умела просто отлично.

Услышав знакомый лай, Пипа мигом утихомирилась.

– Убирайся отсюда, Полтора Километра! Не пущу! Ты мне тапки обслюнявишь! – зевнула она, падая носом в подушку.

На кухне у шкафа, в котором тетя Нинель хранила сладкое, Таня в замешательстве остановилась. Она была уверена, что Пипа еще с вечера обклеила шкаф секретными нитками и волосками. Если хоть один из них будет оборван, завтра поднимется страшный визг.

Но откуда Пипе было знать про существование отличного заклинания «Туманус прошмыгус», которому Таня обучилась у Гробыни! Тому, кто использовал это черномагическое заклинание, можно было не опасаться замков и запоров. Правда, во все запертые двери входить нужно было только спиной вперед.

Прошептав: «Туманус прошмыгус!», – Таня отвернулась и, просунув руку сквозь дверцу шкафа, принялась шарить внутри. Зашуршали многочисленные пакеты.

Хотя тетя Нинель вечно сидела на диете, это не мешало ей регулярно пополнять запасы.

– Ага, вот… Ты что хочешь: печенье, вафли, конфеты, пирожные, шоколад или мармелад? – спросила Таня, на ощупь определяя, что где лежит.

Купидончик начал возбужденно подпрыгивать и стучать себя по животу, показывая, что хочет абсолютно все.

– А не лопнешь? – удивилась Таня. – Ну ладно, ты сам хотел.

Когда через полчаса она выложила на стол последнее пирожное, купидончик не смог даже пропихнуть его в рот, хотя пытался сделать это обеими руками. Его живот растянулся как резиновая груша, а подтяжки, казалось, готовы были лопнуть.

Благодарно пискнув, купидончик замахал крылышками и попытался взлететь. Однако самое большее, что у него получилось, это оторваться на полметра. Здесь силы окончательно оставили перекормленного почтальона. Он осоловело захлопал глазками, блаженно улыбнулся, сложил крылышки и – с ужасным грохотом рухнул носом на стол. Таня бросилась к нему. Она была убеждена, что купидончик свернул себе шею, но свернувшие шею так сладко не посапывают и не подкладывают под щеку упаковку от вафель.

Таня запоздало вспомнила, что Медузия на занятиях по нежитеведению советовала им ни в коем случае не перекармливать купидонов, потому что они не знают чувства меры. Но он так умильно просил, что она не удержалась.

«И что мне теперь с ним делать?» – подумала Таня.

Ругая себя, она стала сметать со стола крошки, но тут в глубине квартиры послышались чьи-то торопливые шаги. Размышлять было уже некогда. Подхватив купидончика, Таня ухитрилась затолкать его в посудный шкафчик. Едва она захлопнула дверцу, как кто-то ворвался в кухню.

Вспыхнул свет. Ослепленная Таня закрыла глаза. Когда же она вновь их открыла, то обнаружила, что перед ней стоит разъяренный дядя Герман. У его

ног заливалась лаем предательница-такса.

– Что ты тут делаешь?! Кто тебе разрешил приходить ночью на кухню?! Ты же знаешь, как я чутко сплю! – взревел дядя Герман. – Тебе мало было на ужин рисовой каши? А может, она тебе не понравилась?

– Нет, достаточно. И я обожаю, когда каша прилипает к тарелке, – сказала Таня, пытаясь ногой незаметно затолкать под стол фольгу от шоколада.

Разумеется, от проницательных глаз самого доброго депутата это не укрылось.

– Лжешь! Ты наглая испорченная лгунья! Вся в своего отца! – прошипел он. – Живо иди к себе и не смей никуда выходить! Утром я с тобой разберусь!

Таня повернулась и, пожав плечами, отправилась в свою комнату. Дядя Герман, раздраженно сопя, тащился за ней следом. На кухне осталась одна такса. Она подозрительно огляделась, принюхалась и принялась рычать на посудный шкафчик.

Через некоторое время дверца шкафчика распахнулась. Оттуда выглянул сердитый купидончик, на голове у которого была нахлобучена любимая синяя чашка тети Нинели. Увидев купидончика, Полтора Километра зачихала от злости.

Купидончик не выносил бытового хамства. Недолго думая, он столкнул на таксу большую кастрюлю, накрывшую ее с головой. Испуганно взвизгивая, кастрюля заползла под стул. Зевнув, купидончик аккуратно закрыл дверцы, подложил себе под голову колчан и вновь заснул.

* * *

Утром Таня ждала от Дурневых разноса и даже сурового наказания, но дядя Герман рано уехал по делам, а тетя Нинель была во вполне благодушном настроении. Когда Таня пришла на кухню, она сидела за столом и ела лимон. Стоило Тане взглянуть на это, у нее сразу свело челюсти. Сама же тетя Нинель даже не морщилась.

– Каждый уважающий себя человек должен обязательно съесть с утра целый лимон! – бодро сообщила она девочке. – Это крайне полезно! Восстанавливает кислотность и очищает мозговые извилины от излишней информации! Подай мне, пожалуйста, блюдце! Мне некуда выплевывать косточки!

Таня двинулась было к посудному шкафчику, но внезапно сообразила, что там спит переевший почтальон.

– Чего копаешься? Хочешь, чтобы я сама встала? – нетерпеливо крикнула тетя Нинель.

– Не надо, я сама! – Стараясь загородить спиной дверцу, Таня осторожно приоткрыла шкафчик и с облегчением перевела дух. Купидончик исчез. Похоже было, что он проснулся рано утром и улетел.

Таня передала тетке блюдце и села рядом.

– Ах да! Сегодня утром принесли из химчистки твои шторы… – сказала Дурнева.

– Уже? – испуганно спросила Таня. Она не думала, что в химчистке управятся так быстро.

Тетя Нинель подняла брови.

– Для меня это тоже было неожиданно. Кстати, раньше я почему-то не замечала, что у нас в химчистке работают одни заики, – сказала она.

«Вскоре тут тоже будут жить одни заики», – подумала Таня, но распространяться не стала. Зачем загружать очищенные лимоном извилины тети Нинели излишней информацией?

Из-под стола донеслось тявканье. Полтора Километра, расслабленная и рассеянная, лежала на коврике и умильно смотрела на старую кепку дяди Германа, которую самый добрый депутат обычно нахлобучивал в теплое время года, оберегая темечко от солнечного удара. На лбу у таксы была шишка, а рядом с кепкой лежала перевернутая кастрюля.

В воскресенье сразу после завтрака тетя Нинель и Пипа уехали в клуб играть в боулинг. Таню они не взяли, да она и не рвалась. После драконбола все остальные игры кажутся неинтересными. Да и разве что-то может сравниться с тем, когда вокруг свистит ветер, а ты, сжимая коленями контрабас, уносишься от настигающего тебя дракона, а потом, резко уйдя в пике, забрасываешь ему в пасть пламягасительный или перцовый мяч!

Воспользовавшись тем, что ей никто не мешает, Таня написала письма Ваньке Валялкину и Баб-Ягуну. «Спрячу их под ковер, а ночью отправлю!» – решила она.

Вызывать купидона днем было опасно. Пухлый мальчуган с крылышками, щеголявший в красных подтяжках, наверняка бросился бы в глаза лопухоидам.

Таня выдвинула из-под дивана кожаный футляр, ладонью стерла с него пыль и щелкнула старинной застежкой. Крышка откинулась, и девочка увидела магический контрабас мастера Феофила Гроттера – великого изобретателя и не менее великого ворчуна, чей голос жил теперь в ее кольце.

В Тибидохсе Таня тренировалась каждый день, и теперь, стоило ей взглянуть на инструмент, у нее появилось неудержимое желание вновь испытать восторг полета.

«Конечно, Медузия и Сарданапал предупреждали: лопухоиды, мол, увидят, и все такое… Но ведь должна же я практиковаться, а то как весной играть в драконбол? А чтобы лопухоиды не заметили, я просто наберу нужную высоту и все. Не станут же они всматриваться в крошечное пятнышко, да еще и против солнца?» – легко находя себе оправдание, подумала Таня.

Она оделась и, захватив контрабас, выскользнула на лоджию.

Был солнечный морозный полдень. Выпавший за ночь снег искрился так, что глазам было больно на него смотреть. Таня забралась на контрабас, поудобнее перехватила смычок и, шепнув «Торопыгус угорелус», выпустила из кольца зеленую искру.

У-у-у!

В тот же миг контрабас сорвался с места и пулей взмыл в небо. Недаром Таня использовала самое скоростное из всех существующих полетных заклинаний. Мгновение – и она уже неслась, ловко лавируя между многоэтажными домами. Когда ей нужно было сделать вираж, она наклонялась вперед, крепко обнимала локтем гриф и смычком указывала контрабасу направление.

Воображая, что за ней гонится дракон противника, Таня то круто взмывала ввысь, то камнем падала вниз, уходя от его атак. Ей давно хотелось отработать прием, который Соловей О. Разбойник, черный маг и их тренер по магическому пилотажу, называл мгновенным перевертоном.

Суть мгновенного перевертона заключалась в том, чтобы, удирая от дракона, ловко перевернуться на своем инструменте и, продолжая лететь спиной вперед, забросить мяч прямо в распахнутую пасть. После этого надо было резко откинуться назад и направить летающий инструмент в отвесное пике.

Казалось бы, просто, но на словах все просто, на деле же перевернуться на стремительно несущемся инструменте, ухитрившись не потерять при этом смычок, почти нереально. А ведь сразу после броска нужно еще увернуться от драконьего пламени, которое он наверняка выдохнет, и пронестись над самой землей, не врезавшись в нее.

«Вот бы Баб-Ягун удивился, если бы у меня получилось! Особенно во время матча! Да он бы просто в осадок выпал! А Гробыня? Да она от досады поотгрызала бы все ногти вместе с пальцами!» – мечтала Таня.

Раз за разом она отрабатывала мгновенный перевертон и упорно сталкивалась с тем, что во время поворота невозможно удержать смычок ровно. Контрабас начинал вихлять и терял скорость, а значит, будь поблизости дракон, она бы точно уже оказалась у него в пасти.

«А если бы мне сейчас пас дали? Брякнула бы мяч на голову главному арбитру! А арбитры терпеть не могут, когда на них сверху валятся мячи, особенно перцовые…» – недовольно размышляла Таня.

После двадцатиминутной тренировки она окончательно уверилась, что нестись на контрабасе спиной вперед по силам далеко не каждому. Тут одно из двух: надо быть или прирожденным драконболистом, или полным психом!

Да и неудивительно: кто еще отважится лететь вслепую, не видя, а скорее угадывая, что происходит за спиной? Поток морозного воздуха буквально сбивает с инструмента, а тем временем за спиной неизвестно откуда вырастает стрела подъемного крана или узкая башня многоэтажки.

Таня ловко проскользнула под грифом у контрабаса и села уже нормально, лицом вперед. Перед ней серели четыре одинаковых девятиэтажных дома, сомкнувшихся вокруг футбольной площадки во дворе. Девочка слегка наклонилась вперед и, вытянув руку со смычком, ушла в пике, решив проскочить между домами. Контрабас послушно нырнул вниз.

Она уже собралась вновь начать набирать высоту, как вдруг на одной из крыш мелькнула фигура в оранжевом плаще. Таня еще удивилась, что лопухоиды носят такие же плащи, как маги, как вдруг фигура вскинула руку, и в следующий миг смычок в руках у девочки вспыхнул.

Вначале пламя охватило лишь его кончик, но уже через секунду он пылал весь, а огонь подбирался к руке. Таня завопила и от неожиданности едва не разжала пальцы. Лишь в последний момент она вспомнила, что бросать смычок нельзя. Без него контрабас станет неуправляемым и разобьется. Морщась от боли, Таня еще крепче вцепилась в пылающий смычок и, выкрикнув подстраховочное заклинание «Ойойойс шмякис брякис», стала снижаться. Тут уже и речи не могло быть о том, чтобы приземлиться красиво. Главное – не сломать себе шею и постараться не разбить инструмент.

Тридцать метров, двадцать… Между домами белели сугробы. Земля стремительно приближалась. Контрабас уже почти не повиновался смычку. Таня видела, что падает прямо на электропровода. Если она на такой скорости врежется в провод, он просто перерубит ее или отрежет ноги.

Мгновенный перевертон! Иного выхода нет. Таня быстро изогнулась и всей своей тяжестью откинулась назад, как в самом сложном, заключительном элементе мгновенного перевертона. И перевертон получился! Получился в самых невероятных обстоятельствах! Прижавшись спиной к контрабасу и слившись с ним в одно целое, девочка проскользнула между проводами, ухитрившись не задеть ни один!

– Чебурыхнус парашютис! – выкрикнула она тормозящее заклинание.

Перстень дедушки Феофила поспешно выстрелил зеленой искрой. Спасибо, хоть обошелся на этот раз без докучливых нотаций.

И – заклинание сработало, сработало в самый последний миг!!! У земли контрабас вновь, уже в последний раз, послушался смычка, от которого остался один оплавленный обрубок. Он снизил скорость, завис в воздухе и довольно безболезненно рухнул в большой сугроб.

Скатившись с инструмента, Таня отбросила смычок и торопливо сунула обожженную ладонь в снег. Ледяные иголочки приятно покалывали покрасневшую кожу. На трех пальцах правой руки уже начинали вздуваться волдыри.

Внезапно голова у Тани закружилась. Какое-то недавнее воспоминание пронзило ее, ударило как оплеуха. Фигура на крыше!

Продолжая держать руку в снегу, Таня вскинула голову, оглядывая ближайшие дома. Нет, не этот… и не этот… Вон тот, четвертый серый дом! Зловещая фигура в оранжевом плаще все еще была на крыше. Держась за перила, она внимательно всматривалась вниз. Похоже, человеку в плаще очень хотелось определить, сумела ли Таня уцелеть.

Убедившись, что девочка на ногах, силуэт в плаще раздраженно махнул рукой, раза три быстро повернулся на месте, полыхнул плащом и исчез. Таня пожалела, что не разглядела его лица: расстояние было слишком большим. Она не могла даже сказать, кто был на крыше: мужчина, женщина или подросток. Но одно знала точно. Там, на крыше, только что стоял сильный маг, и он пытался ее убить. Убить расчетливо. Если бы она растерялась и выпустила смычок, у нее уже не осталось бы времени, чтобы произнести тормозящее заклинание.

Таня вспомнила, что за секунду до того, как у нее загорелся смычок, с пальца у неизвестного точно прыгнула пурпурная точка! Красная искра, которую может выбросить только кольцо черного мага!

Тане стало страшно. Страшно не на шутку. Неужели это все наяву? Кому нужна ее смерть, особенно теперь, когда Чумы-дель-Торт больше нет? Или опасения Медузии верны и она жива? Была ли это сама Чума или кто-то из ее помощников?

Вопросов было явно больше, чем ответов. Вспомнив, что Сарданапал разрешил писать ему, когда она только захочет, Таня подумала, что сегодня же отправит письмо. Раз здесь, в мире лопухоидов, ей грозит опасность, то, может, позволят досрочно вернуться в Тибидохс?

Таня взвалила контрабас на плечо и поплелась домой. Теперь, когда смычка у нее больше не было, магический инструмент стал тяжелой обузой. Через некоторое время, устав, Таня остановилась перевести дыхание и прислонила его к скамейке у какого-то подъезда.

Ладонь жутко болела, и девочка лихорадочно пыталась припомнить, нет ли у нее где-нибудь в тетрадях, тайком привезенных из Тибидохса, подходящего рецепта или заклинания. На тренировках по драконболу, и особенно во время матчей, ей часто случалось получать ожоги. Но тогда поблизости всегда была Ягге с отличным средством – упырьей желчью.

Это универсальное средство против ожогов, если не считать кошмарного запаха, имело только одну неприятную особенность – стоило случайно его лизнуть, даже просто прикоснуться к нему языком, как немедленно превращаешься в упыря. Превращаешься мгновенно и бесповоротно. Именно поэтому в команде упырей никогда не было недостатка в хороших игроках. Вот только где взять упырью желчь здесь, в мире лопухоидов? Интересно, какая физиономия была бы у дяди Германа, если бы она шутки ради попросила его сбегать за ней в аптеку?

Железная дверь подъезда лязгнула. Оттуда, решительно волоча за собой сутулого недоросля с пластырем на лбу, вышла дама в меховой шапке. Заметив Таню, дама остановилась и умиленно произнесла:

– Миша, посмотри, какая хорошая девочка! Она играет на контрабасе даже на улице, на морозе! А тебя палкой не заставишь ходить в музыкальную школу!

– Да ну ее! Она просто зубрила! Ботаничка заученная! – с досадой косясь на Таню, прошипел недоросль.

И несмотря на нелепость своего положения, несмотря на то, что ее только что пытались убить, что ладонь у нее обгорела, а в ботинках хлюпала вода, – несмотря на все эти обстоятельства, Таня расхохоталась.

Глава 3

Следы на потолке

Когда Таня наконец дотащила контрабас до квартиры дяди Германа и тети Нинели, колени у нее уже дрожали от усталости. Чтобы убедиться, что дома никого нет, она несколько раз энергично позвонила. Никто не отозвался, и девочка решила применить магию. Опасливо покосившись на дверь их соседа, штабного генерала Котлеткина, отвечавшего в армии за зубные щетки и обожавшего подглядывать в глазок, Таня прошептала «Туманус прошмыгус!» и спиной протиснулась в квартиру.

Оказавшись с той стороны, она хотела уже открыть дверь и втащить следом за собой контрабас, но тут ей на нос что-то капнуло. Таня машинально вытерла каплю, взглянула на ладонь, и внезапно горло у нее перехватило. Ее ладонь была в чем-то липком и красном. Вскинув голову, она увидела на потолке крупные красные следы, ведущие в сторону спальни тети Нинели и дяди Германа. Девочке стало жутко.

Она осторожно прокралась в спальню и… увидела Поручика Ржевского, который разгуливал по потолку вниз головой. Подошвы у привидения были намазаны кетчупом, здоровенная бутылка которого каким-то чудом удерживалась у призрака в руках.

Когда Таня вбежала в комнату, он выпустил бутылку, и она с громким шлепком врезалась в ковер у самых ног девочки.

– Промахнулся! Дай мне кетчуп, я еще раз кину! А ты стой прям вон там! – велел Поручик.

Таня вышла из себя. Что скажут Дурневы, когда вернутся и случайно посмотрят на потолок? Кого они посчитают виноватым? Пипу? Как бы не так! Даже взорви их Пипочка Кремль, Дурневы только умилятся!

– Ты где стоишь?! – снова завопил Поручик. – Я же сказал тебе стоять там, глупая девчонка! Рота, цельсь! По Танькам Гроттершам залпами – пли!

– Сейчас тебе будут залпы! Искрис фронтис! – крикнула Таня, вскидывая руку.

Из перстня вылетела зеленая боевая искра и ударила в привидение. Застонав, Поручик обрушился с потолка на кровать дяди Германа и тети Нинели.

– О нет, только не это… Что ты наделала! Я смертельно ранен! Я умираю! – всхлипнул он, зажимая ладонью рану на животе, откуда тонкой струйкой сочился синеватый дым. – Что скажет Сарданапал, что скажет Медузия? Я сейчас исчезну! Мне конец! Еще минута – и меня не станет!

Он становился все прозрачнее и прозрачнее, съеживаясь на глазах.

– Я… я не хотела… – растерялась Таня.

– А-а, ты не хотела… – простонал призрак, истаивая на глазах. – Не хотела, но убила меня, глупое, но безобидное привидение, которое никому не желало зла… Неужели я никогда больше не увижу родной Тибидохс, не услышу шум океанского прибоя?

Поручик Ржевский поднял на Таню укоризненный взгляд. Его бесплотная рука, легкая, как дуновение ветра, неосязаемо коснулась ее ладони.

На глаза у Тани навернулись слезы.

– Прости, я не хотела… Что же теперь делать? – прошептала она.

– Что теперь сделаешь? – прохрипел Поручик. – Я хочу, чтобы ты знала одно: это была бесчестная дуэль!.. Но учти, я не согласен умирать один! За мной еще последний выстрел!

С этими словами Поручик Ржевский извлек из воздуха здоровенный пулемет и, слегка привстав на локте, принялся поливать Таню длинными очередями. Призрачные гильзы разлетались по комнате. Больше никакого вреда этот обстрел не причинял.

– Тра-та-та-та! Последний выстрел… еще один последний… Последняя дюжина обойм! Пушкин размазывает Дантеса по стене! – вопил Поручик, оживая на глазах.

Живший через стенку генерал Котлеткин, проснувшись от грохота, упал с дивана и забрался под стол. Спросонья ему померещилось, что началась война и неприятельские парашютисты воруют у него с лоджии коробки со щетками и зубной пастой.

Тем временем за стенкой окончательно оживший призрак отбросил пулемет и принялся прыгать по покрывалу, вытряхивая из подушки перья. Таня, все еще в слезах, ошеломленно смотрела на него.

– Нет, вы посмотрите на эту дурищу: она думала, что можно убить привидение! Разве можно убить привидение? А она поверила! – хохотал Поручик Ржевский.

Таня с облегчением сообразила, что боевая искра не причинила призраку никакого вреда. Для отпугивания привидений существует другое надежное заклинание – «Дрыгус-брыгус».

Она уже собралась произнести его, но сначала решила выяснить, каким образом привидениям удалось выбраться.

– Почему ты не в чемодане? – спросила Таня.

– Потому что из чемодана нас вытурили! Вытурили нагло и бесцеремонно! – пожаловался печальный голос из шкафа, и сквозь дверцу выплыла Недолеченная Дама.

На шее у нее загадочным образом удерживался сиреневый шарфик тети Нинели, а припудренный чем-то носик покраснел от слез. Похоже, страдающая Дама совала нос в пакетики от моли.

– Кто вас вытурил из чемодана? – быстро спросила Таня.

Она старалась разговаривать с Недолеченной Дамой как можно меньше, потому что та кого угодно могла заболтать насмерть.

Недолеченная Дама поморщилась:

– И тебе это интересно? В самом деле? Это была неприятная девица с толстой физиономией. Не пожелала слушать про мою язву. А визжит она просто отвратительно. Будь я жива, у меня точно приключился бы разрыв сердца. Но, к счастью, я уже мертва…

– Пипа! Так вот кто вас выпустил! – воскликнула Таня.

Внезапно ей все стало ясно. По какой-то причине Пипа вернулась домой одна, без тети Нинели, и добралась-таки до ее чемодана.

– Отлично! Ну вы мне и удружили! – горько сказала Таня. – А сейчас Пипа скорее всего уже несется в боулинг, чтобы растрепать обо всем тете Нинели!

– Ничего подобного! Никуда она не несется! Она испугалась и сидит в нашем чемодане! Это единственное место, куда мы не можем проникнуть из-за кожи Минотавра! – заявила Недолеченная Дама.

– Что?! Пипа в чемодане? – не поверила Таня.

Она бросилась к дивану. Сургуч с личной печатью Сарданапала болтался на одной проволочке. Однако сама печать, к счастью, была цела. В кожаном чемодане кто-то тихо сопел.

– Теперь веришь, что она там? – поинтересовался Поручик Ржевский. – Спряталась туда, когда я – хи-хи! – попросил ее поправить кинжальчик у меня в спине. Мы изредка подвываем, чтобы она там не скучала. Вот смотри!

Издавая леденящие кровь стоны, призрак принялся летать над чемоданом. Чемодан мелко затрясся и стал подскакивать. Дочка дяди Германа завизжала.

– Ржевский! Отстань от нее, кому говорю! – велела Таня, сообразив, что Пипа вполне может тронуться от ужаса. Лопухоиды мало приспособлены к таким встречам.

Но Поручик и не думал останавливаться. Чем сильнее подскакивал чемодан, тем больше он входил в раж. Даже принялся поливать чемодан кетчупом, стеная: «Кровь! Всюду кровь!»

– А ну перестань! Дрыгус-брыгус! – рассерженно крикнула Таня.

Призрак с громким чавкающим звуком втянулся в пол, а Недолеченная Дама, превратившись в серый туман, поспешно юркнула в вазу.

– Нельзя так обращаться с привидениями. Тут ужасно пыльно! У меня пчхи… аллер… пччхи!.. гия! – немедленно застонала ваза.

Чемодан перестал вздрагивать. Тот, кто в нем сидел, явно прислушивался.

– Вылезай, Пипенция! А то еще задохнешься, – велела Таня.

– Не вылезу! Это ты во всем виновата! Ведьма проклятая! Тебя на костре надо сжечь! – отозвалась из чемодана Пипа, ухитряясь одновременно всхлипывать и шипеть.

Таня рассердилась. Доченька Дурневых, как всегда, была в своем репертуаре.

– Вылезай, кому говорят! Кто тебя вообще просил туда заглядывать? Я в твоих вещах когда-нибудь рылась?

– Ну и что? Это моя квартира, моих родителей. И все вещи тут мои, твоего тут ничего нет… У-у-у! Мне страшно! Ду-у-ура! – внезапно голос у Пипы дрогнул, и она разрыдалась.

Таня едва не оглохла. Поручик Ржевский со своим устрашающим воем в сравнении с Пипой был просто любитель.

Забившаяся в вазу Недолеченная Дама как раз рассказывала про какую-то очередную свою болячку. Услышав Пипины рыдания, Дама решила, что Пипа плачет от сочувствия, и тоже разрыдалась.

– Как это трогательно! Не думала, что история моей мозоли на пятке так тебя потрясет. Не то что всех этих бесчувственных ослов! – всхлипывая, произнесла она.

Из коридора осторожно выплыл Поручик Ржевский, уже оправившийся от действия сдерживающего заклинания. На этот раз неугомонный призрак был в синем рабочем халате, со шваброй в руках. И то и другое он явно позаимствовал из шкафа у домработницы, приходившей к Дурневым три раза в неделю.

– Дамочки, я оченно извиняюсь! Уборщицу вызывали? Я тута! – поинтересовался Поручик и, не дожидаясь ответа, принялся летать по комнате, размазывая по потолку красные следы.

Таня поняла, что, если немедленно не выгонит Пипу из чемодана и не вернет туда привидения, это может закончиться чем угодно. Окончательно распоясавшийся призрак разгромит все в квартире и начнет летать по всему дому, пугая соседей, а Пипа будет рыдать и визжать до тех пор, пока кто-нибудь не вызовет милицию.

– Все, Пипенция, вылезай! Брысь оттуда! Мне нужен чемодан! – велела Таня.

Она попыталась откинуть крышку, но Пипа вцепилась мертвой хваткой и держала ее изнутри.

– Погоди! Сейчас я ее вытурю! – Поручик Ржевский воспользовался тем, что во время борьбы крышка чемодана слегка приподнялась, и, держа швабру наперевес, просочился в щель.

– А вот и бригада уборщиц-психопаток с новыми тряпками для носа! Слезки вытереть не надо? – заворковал он.

Из чемодана послышался уже не визг, а вопль. Крышка откинулась, и Пипа как ошпаренная выскочила наружу, по пятам преследуемая спятившим призраком и Недолеченной Дамой. Причем Даме взбрело в голову поведать, как однажды во время операции хирург забыл у нее в желудке свои очки.

Пипа вопила не переставая, скачками носясь по комнате и пытаясь прорваться в коридор. Но всякий раз на пути у нее возникал Поручик Ржевский, с невозмутимым видом жонглирующий собственными ушами и носом. Пипа махала на него руками и отскакивала назад.

Таня сидела на кровати и, подперев голову руками, наблюдала все это безобразие. Потом вспомнила, что забыла контрабас на лестнице, и отправилась за ним. Контрабас был на том же месте, где она его оставила. Штабной генерал Котлеткин был слишком напуган, чтобы протягивать к нему свои загребущие лапки.

«Хорошенького понемножку! Сходить с ума тоже надо постепенно!» – подумала она, возвращаясь.

– Именем повелителя духов возвращайтесь назад! – произнесла Таня и, присев, дотронулась до теплого сургуча с печатью.

Что-то ослепительно вспыхнуло. Завертевшийся смерч всколыхнул гардины. Неведомой силой привидения затянуло в чемодан. Крышка захлопнулась. Облегченно вздохнув, Таня осторожно поправила печать и задвинула чемодан под диван.

Пипа еще несколько раз по инерции пробежала по комнате, а потом выскочила в коридор и стала оттуда угрожать Тане всякими неприятностями.

– Вот погоди! Папуля увидит потолок, и тогда тебя точно отправят в колонию для несовершеннолетних! – визжала она.

– Но потолок испачкала не я! – возразила Таня.

– А я скажу, что ты! Ты, ты! Все равно никто не поверит в привидения! Я скажу, что ты взяла ботинок, надела его на швабру и сделала на потолке отпечатки! – противненько захихикала Пипа. Она на удивление быстро приходила в себя после потрясения.

Эта угроза была последней каплей. Таня вспылила. Она прижала Пипу в угол, прицелилась в нее средним пальцем и, для острастки выпустив пару зеленых

искр, произнесла с самым серьезным видом:

– Лапундриатис пипус свинис преобратимус!

После этого Таня повернулась и спокойно пошла к себе. Как она и ожидала, встревоженная Пипа рысью кинулась следом. Она была ужасно мнительная – ну просто вылитый дядя Герман.

– Погоди! Что ты только что сказала? – забормотала она.

– Что я сказала? – не поняла Таня.

– Ну это… пипус свинис… лапун… чего-то там…

Таня повернулась и, прищурившись, посмотрела на Пипу.

– А, вот ты о чем! Это замедленное заклинание превращения! – многозначительно пояснила она.

– В кого превращения? И почему замедленное?

– Потому что действует не сразу! Да и вообще заклинаньице пустяковое, не загружайся.

– Пустяковое? – недоверчиво переспросила Пипа.

– Угу. Просто если сегодня вечером у меня будут неприятности или вообще ты вякнешь что-нибудь лишнее, у тебя вырастут свиные уши, а на лице появится щетина! Будешь ходить в школу в противогазе… Эй, Пипенция, что с тобой?

Пипа задрожала. Она отлично помнила, как на руке у главной ее подхалимки Ленки Мумриковой выросла шерсть, когда они пытались залить клеем самоучитель волшебства.

Недаром Пипа была дочкой депутата. Она мигом все просчитала, и в глазах у нее появился ужас.

– А если у тебя не будет неприятностей? – быстро спросила она. – Если не будет?

– Хм… Тогда, возможно, заклинание и не сработает, – сказала Таня, изучающе глядя на Пипу.

Она уже поняла, что победила. Наспех сочиненное бессмысленное заклинание достигло своей цели. Откуда Пипе знать, что замедленное волшебство проходят только на третий или четвертый год обучения? Все-таки лопухоиды есть лопухоиды. Верят же они всяким гадалкам, печатающим свои объявления в газетах!

Таня так никогда и не узнала, что именно придумала Пипа и как она объяснила родителям разгром в квартире, но неприятностей у нее не было никаких. Скорее всего, Пипа просто оговорила кого-то из своих подруг, потому что о привидениях она тоже предусмотрительно не заикнулась. Единственное, что предприняли Дурневы, – это вызвали бригаду штукатуров, чтобы срочно привести потолки в порядок.

Дядя Герман то и дело довольно хмыкал и вообще был мягче, чем обычно. Через неделю к нему должны были приехать с телевидения, чтобы снять самого доброго депутата в кругу семьи. Дурнев уже заранее готовился: отрабатывал перед зеркалом ласковую улыбку и, думая, что никто не слышит, репетировал в туалете торжественные речи. Таня отчетливо различала, как он повторяет, спуская воду: «Герман Никитич Дурнев… А это моя семья! Добро пожаловать в наш гостеприимный дом!»

Тане же Дурнев сказал:

– У нас в гостях будет сам Николай Шмыгликов, ведущий «Семейных встреч»! Учти это, потому что ты тоже будешь присутствовать на съемках! Я уже предупредил телевизионщиков, что взял в семью дурно воспитанную сироту. Они тобой заинтересовались. Постарайся показать себя не с самой плохой стороны. А чтобы ты не слишком много болтала, будешь держать на руках таксу.

– Да хоть кроли… крокодила, – поправилась Таня, заметив, как сразу побагровел дядя Герман.

К дурневским наставлениям Таня особенно не прислушивалась, потому что была уверена, что через неделю ее уже здесь не будет. Сегодня она отправит письмо, а завтра или послезавтра Сарданапал разрешит ей вернуться в Тибидохс. Да и как может быть иначе?

Вечером, когда Дурневы улеглись спать, Таня осторожно зажгла лампу и села сочинять письмо академику.

«Нельзя его особенно волновать, – подумала она, с треском вырывая из тетради двойной листок. – Начну как бы между прочим…»

Здравствуйте, дорогой Сарданапал! Вы просили писать, как у меня дела, как я учусь и вообще про настроение. Учусь я неважно, потому что учебники у лопухоидов сами знаете какие. Тоска зеленая, а не учебники. Не летают по классу, и картинки в них не оживают…

А вот дела у меня неважные потому, что сегодня меня пытались убить. Кто-то боевой искрой поджег смычок, когда я отрабатывала перевертон. Только вы не волнуйтесь, потому что настроение у меня нормальное. Дурневы не очень меня допекают. То есть допекают, конечно, но жить можно.

Привидения чувствуют себя хорошо. Недавно они загнали Пипу в чемодан. Пипа сама виновата, потому что никто ее не просил совать нос куда не надо. Черные Шторы тетя Нинель почистила (ну и разозлились же они!) и повесила у себя в спальне…

Конечно, вы велите мне вернуться в Тибидохс. Но для перелета мне нужен новый смычок.

С надеждой на скорую встречу

уважающая Вас

Таня Гроттер

Таня поставила точку и приложила к письму свое кольцо. Она не раз видела, как взрослые маги так подписывались. Перстень Феофила Гроттера довольно

хмыкнул и с явным наслаждением сделал красивый оттиск.
Ему не потребовалось для этого даже подушечки с чернилами.

Вызвав особым свистом купидончика, Таня вручила ему конверт. Купидончик ссыпал в почтальонскую сумку полпачки печенья «Алфавит» и отчалил, торопливо хлопая крылышками и проваливаясь в воздушные ямы.

Таня рухнула на диван. Обожженная ладонь болела, а перед глазами прыгали искорки суетливых воспоминаний. Контрабас… смычок… фигура в оранжевом плаще… ножи в спине у Поручика… фиолетовые прыщи любимой сестренки… уф… спятить можно.

«Но скоро все это кончится!» – подумала она. Быть не может, чтобы после такого письма Сарданапал не разрешил ей вернуться в Тибидохс. А раз так – прощайте, Дурневы! Здравствуй, высшая школа волшебства!

Глава 4

Тридцать четыре пожарных

Проснуться ночью иногда приятно. Полежать, посмотреть в потолок, подумать о чем-нибудь. Или даже посидеть на кухне и выпить тайком чашку какао.
Но за одним исключением – если просыпаешься не от жуткого вопля тети Нинели, как это случилось под утро с Таней.

Таня рывком села на диване, спросонья не понимая, кто вопит и почему. Потом вскочила и кинулась в спальню к тете Нинели. Тетя Нинель, с головой накрытая Черными Шторами, в ужасе визжала и барахталась. Дядя Герман бестолковым козликом прыгал рядом, не зная, с какой стороны подступиться и вообще смутно представляя себе, что происходит. Не прошло и минуты, а тетя Нинель уже походила на кокон редкой бабочки.

– Герман! Сделай что-нибудь! Разрежь их, я задыхаюсь! Скорее! – кричала тетя Нинель.

Окончательно растерявшийся депутат стал сдирать со стены острый ятаган, который ему подарили на приеме в посольстве Турции. Руки у него даже не дрожали, а ходили ходуном. Таня поняла, что еще секунда – и вместо одной сварливой тетки у нее появится целых две. Шторы в ожидании этого язвительно похихикивали.

– ГЕРМАН!!! Разрезай! – снова завопила тетя Нинель, черным коконом катаясь по кровати. Кажется, она не представляла, что ей угрожает. Она боялась штор, а надо было опасаться дяди Германа.

Самый добрый депутат вытаращил глаза и с безумным видом занес ятаган. Нужно было срочно вмешаться.

– Дрыгус-брыгус! – вполголоса пробормотала Таня, незаметно выпуская зеленую искру.

Это простенькое, часто применяемое заклинание отлично срабатывало как против привидений, так и против несложных биовампиров вроде штор. Недаром Медузия обучала ему на первом же занятии по нежитеведению. Шторы мгновенно обмякли, и тетя Нинель смогла выбраться.

– Уф! Я снова могу дышать! – обрадовалась она, но внезапно завизжала, увидев над собой дядю Германа с занесенным ятаганом и зажмуренными глазами.

Дурнев был бледен и решителен. Правда, его колотила такая дрожь, что блестящее лезвие прыгало у него в руках, представляя явную опасность как для самого дяди Германа, так и для окружающих.

Следующие пять минут ушли на то, чтобы обезоружить самого доброго депутата и убрать ятаган в ножны.

– Что это было? А, понятно… Я плохо повесила шторы. Они упали с карниза, я запуталась в них и едва не задохнулась… Но только как они могли так далеко отлететь от окна? – простонала тетя Нинель, выдвигая ящичек с лекарствами.

Таня почувствовала, как ее тетке неловко, что она предстала перед девчонкой в таком глупом виде.

Таня хотела объяснить, что Черные Шторы никого не душат. Они только подглядывают сны, чтобы потом целые дни их показывать. Но дядя Герман не дал ей и рта открыть. Придя в себя и обнаружив, что Таня у них в спальне, он стал подпрыгивать на месте и вопить:

– А ты чего тут встала?! А ну марш спать, пока я не сдал тебя в приют! Что за моду взяла шастать ночами по квартире?!

– Посмотрите туда! – сказала Таня, кивая на тетю Нинель.

Дядя Герман обернулся.

– Погоди, Нинеличка, ты пьешь уже третий пузырек валерьянки! Так ты успокоишься насмерть! – забеспокоился он.

– Меня всю колотит! – сказала тетя Нинель замороженным голосом.

Дядя Герман решительно взял Таню за плечи и выставил ее за дверь. Но еще раньше, чем дверь захлопнулась, девочка увидела, что Черные Шторы уже вовсю отражают какие-то синие котлетки с лапками, водящие хоровод вокруг здоровенной елки со стволом из колбасы и ветками из сосисок… Так вот какие сны снились тете Нинели, третью неделю безуспешно пытавшейся влезть в новое платье!

Таня постучала себя согнутым пальцем по лбу и вернулась на диван. Подумав, какие же все-таки Дурневы олухи, она снова собралась лечь спать, как вдруг в форточку настойчиво забарабанили.

За окном висел все тот же купидончик, ухитрившийся обернуться туда-сюда удивительно быстро: всего за одну ночь. На этот раз купидончик экипировался куда как старательнее. Он был без подтяжек, зато вокруг шеи у него был обмотан синий шарф. Купидончик обменял письмо Сарданапала на три пряника и банку джема, шмыгнул носом и улетел с крайне деловым видом.

Таня распечатала конверт.

Милая Таня! – писал Сарданапал. – Отвечаю тебе сразу, пока этот крылатый пройдоха грызет печенье и ужасно крошит на пол… Я, конечно, понимаю, что тебе хочется поскорее вернуться в Тибидохс, но ремонт еще не закончен. В подвале заделаны далеко не все трещины, а из пяти рухнувших башен восстановлено пока только три… С богатырями тоже много проблем. Вчера Усыня на спор съел мешок с цементом и теперь лежит в магпункте с жутким запором. Ягге никак не сообразит, как ему помочь. Кстати, Медузия тоже недавно целый день провела в магпункте из-за сильной головной боли. Сказываются жуткие нагрузки, да и с нежитью масса возни.

Вот еще новость, которая наверняка тебя заинтересует. Вчера ночью твой приятель Баб-Ягун попытался проникнуть на закрытую Лестницу. Ему удалось прошмыгнуть мимо циклопов, но он совсем забыл про охранные заклинания Поклеп Поклепыча…

Теперь Баб-Ягун сидит у себя в комнате, потому что с лягушачьими лапами только и можно что прыгать. Надеюсь, этот пример и тебя чему-то научит. Поклеп, на чьи заклинания он напоролся, утверждает, что лягушачьи лапы останутся у Баб-Ягуна примерно на неделю, на две, а если пытаться отменить магию раньше, то могут остаться и на всю жизнь.

Таня! Теперь о главном.

Каждый день ко мне приходит множество писем от учеников Тибидохса. Это было бы приятно, если бы все как один не выдумывали разную чушь, чтобы досрочно вернуться. Гуня Гломов пишет, что он случайно покусал собаку и собака взбесилась. Рита Шито-Крыто якобы превращается по ночам в вампира и гоняется за родителями, а Дуся Пупсикова утверждает, что террористы взяли ее в заложники и требуют выкуп – ящик шоколада, но если шоколада нет, то сойдет и мармелад…

Ты говоришь, что кто-то пытался тебя убить, но мы с Медузией в это не особенно верим. Скорее всего смычок у тебя в руках загорелся по какой-то другой причине. Может, ты случайно произнесла зажигательное заклинание? Помни, зажигательные заклинания не игрушки!

Вернуться в Тибидохс ты сможешь, но не раньше чем через пару недель, вместе с остальными ребятами. Ремонт идет полным ходом, так что надеемся успеть

если не полностью, то хотя бы частично.

Я еще пришлю тебе письмо с купидоном. Ни в коем случае не пытайся отправиться в Тибидохс сама! Ты можешь погибнуть! Заклинание перехода заблокировано для всех, кроме почтальонов! Попасть из магического мира в мир лопухоидов теперь практически невозможно. Разве что очень сильному и опытному магу. Для остальных это почти верная смерть.

Теперь о приятном.

Медузия шлет тебе в подарок новый смычок. Только требует обещать, что ты не станешь больше летать в мире лопухоидов и тем более отрабатывать всякие там перевертоны. Смычок заколдован таким образом, что мы немедленно будем оповещены о всяком его незаконном использовании и сделаем соответствующие выводы.

С уважением,

лауреат премии Волшебных Подтяжек

академик

Сарданапал Черноморов

Таня прочла ответ Сарданапала трижды, прежде чем до нее дошел его смысл. Отказ! Ей запрещают возвращаться в Тибидохс! Сарданапал ей не поверил! Еще и написал: «Может, ты случайно произнесла зажигательное заклинание? Помни, зажигательные заклинания не игрушки!»

«Нет, вы это слышали! За кого они меня принимают? Найдется ли вообще такой идиот, который станет произносить зажигательное заклинание, когда его инструмент выходит из пике?» – возмущенно подумала Таня.

Две недели! Целых две недели! А ведь Новый год уже на носу! Выходит, что и праздничную ночь, когда в Тибидохсе, по слухам, всегда происходит много радостных чудес, ей придется провести с Дурневыми!

Все подступы к елке, как всегда, забаррикадируют подарки для Пипы, и лишь в самом дальнем углу будет валяться пакет для Тани. В нем окажутся старые лыжные ботинки тети Нинели, какая-нибудь жилетка без пуговиц дяди Германа, бутылочка из-под шампуня или что-нибудь в этом духе. В зависимости от того, на что у Дурневых хватит фантазии.

От этой явной несправедливости у Тани защипали глаза. Хотя академика с Медузией тоже можно понять. К ним приходит столько дурацких писем, что они уже не знают, чему и кому верить.

Девочка задумалась и вспомнила, что кое-что приятное в письме все же содержалось. Смычок! Вспомнив о подарке Медузии, она внимательно оглядела конверт. Смычок в нем явно отсутствовал, да его и не могло быть: он бы просто не поместился.

Таня уже хотела вернуть купидончика, явно забывшего передать ей сверток, как вдруг услышала негромкий свист. В форточку стремительно влетело что-то тонкое и довольно длинное, похожее на стрелу. Влетело и замерло прямо под напоминающей осиное гнездо люстрой.

Таня нерешительно протянула руку, но смычок уже сам прыгнул к ней в ладонь. Девочка была ошеломлена. Ее прежний смычок сам не летал и в полете был скорее обузой. Новый же, казалось, отлично представлял, что ему нужно делать. Изготовленный из великолепно отполированного темного дерева, он был упругим и легким. Казалось, ему не терпится мчаться сквозь тучи, управляя бешено несущимся инструментом.

«Упрямый, с характером, но в то же время чуткий и послушный. Смычок не для дилетанта, а для настоящего профи. И что самое ценное – его нельзя потерять. Он сам находит ладонь!» – сразу определила Таня, преисполняясь благодарности к Медузии.

Не возьми Медузия с нее обещание, что она не будет летать в мире лопухоидов, Таня непременно испытала бы смычок. А теперь, хочешь не хочешь, приходилось держать клятву. Медузию не проведешь: недаром нежить шепчется, что она видит на три метра под землю. А тут еще эти оповещающие заклинания, с которыми лучше не связываться…

Таня открыла футляр и бережно положила смычок рядом с контрабасом. Потом провела рукой по теплой драконьей коже и защелкнула старинную медную застежку с таинственными рунами. Надо ждать.

Дни перед каникулами всегда кажутся длинными, а уроки бесконечными. Секундная стрелка словно прилипает к циферблату, а на минутную лучше не смотреть, потому что вскоре возникает чувство, будто она движется назад. Выпавший глубокий снег превращается в слякоть, потом выпадает еще снег и снова становится слякотью. Короче, тоска. Тоска снаружи и внутри.

Пару раз Таня выпускала из чемодана призраков. Однако привидения тоже были какие-то унылые. Поручик подавленно гремел своими ножами, а Недолеченная Дама жаловалась на здоровье почти вдвое меньше обычного, что уже само по себе было подозрительно.

– Эй, вы чего? Обиделись, что ли? Я же даю вам развеяться! – спросила у них как-то Таня.

– И это она называет «развеяться» – сунуть нос в пудреницу твоей тетки или завязать морским узлом галстук дяди Германа! Ха, ха и еще раз ха! Ты что, не знаешь, что скоро Новый год? – неохотно буркнул Поручик.

– Вот и отлично! Радуйтесь! Праздник же! – сказала Таня.

Будто услышав явную чушь, призрак возмущенно зарябил:

– Чему радоваться? Тому, что в Новый год всегда приходит Король Привидений и убивает кого-нибудь из нас… Чудный повод для радости! Я просто умиляюсь, с какими недоучками приходится иметь дело!

– Король Привидений? – недоуменно переспросила Таня. – Но ведь привидения бессмертны, как же их можно убить?

– Как бы не так! – хмыкнул Поручик. – Бессмертны! А зачем же тогда забывать ножики у меня в спине? Неудачно пошутишь и – раз! – двенадцать столовых и один кинжал… Неужели нельзя было объяснить по-хорошему? Ну что нельзя

класть ноги на стол и бросаться на балу котлетами? Правда, тогда я еще был жив – но какая разница?

Таня заинтересовалась. Она впервые слышала о трагических обстоятельствах, при которых Ржевский стал привидением.

Недолеченной Даме тоже захотелось поговорить, и она перебила Поручика.

– Он прав… – ковыряя в ухе градусником, встряла она. – Бессмертен только тот, кто никогда не рождался. Да, нас, в отличие от так называемых живых, нельзя проткнуть мечом или пристукнуть кирпичом! Мы не боимся насморков и проходим сквозь большинство преград. Но Королю Привидений дана над нами неограниченная власть. Раз в год один из нас, призраков, обязательно исчезает и появляется один новый. Разумеется, исчезать никому не хочется. Даже мне, несмотря на все мои недуги… пчхи!.. желательно еще пожить… – Дама обвела всех сокрушенным взглядом. – И притом хоть бы одна, с позволенья сказать, свинья посочувствовала! – всхлипнула она. – Хоть бы кто-нибудь спросил меня утром: «Как ты себя чувствуешь, милочка? Не ломит ли спину? Не стучит ли в висках?» Так нет – все только убегают, не успею я появиться! Морщатся, будто я прокаженная!

Обнаружив, что его компаньонка опять начинает ныть, Поручик с громким чавканьем втянулся в пол. Прошла целая минута, прежде чем его голова, осторожно озираясь, появилась в цветочном горшке.

– Так вот… Король Привидений. В Тибидохсе перед Новым годом мы всегда прятались, но все равно кто-нибудь пропадал. В прошлом году исчез Сумасшедший Дедушка… Странненький такой был призрак, явно не в себе. Все бегал и искал чего-то. Не желал слушать про мою мигрень и полипы в носу! – продолжала Недолеченная Дама с такой укоризной, будто это и было причиной того, почему он пропал.

– А что он искал? – с внезапным интересом спросила Таня.

– Сумасшедший Дедушка? – отозвался Поручик. – То ли клад, то ли что-то еще… Он вообще был жуткий молчун. Только ходил сквозь стены и вечно пропадал где-то. За триста лет никто ни разу не услышал его голоса. Правда, у нас поговаривали, что он один знает ход на Исчезающий Этаж, по которому можно

вернуться назад.

Таня подалась вперед. Уже во второй раз она слышала про Исчезающий Этаж. Так значит, туда существует безопасный ход!

– Ты что, Ржевский? – вдруг испуганно воскликнула Дама. – Зачем ты ей это говоришь? Это же тайна… Тайна всех привидений! Если Король узнает, он пришлет тебе метку, а потом…

– Не встревай, зануда! Ничего я ей не сказал! Как я могу рассказать ей про ход, когда сам не знаю, где он? – буркнул Поручик.

Ржевский храбрился, но было заметно, что он порядком обескуражен.

Вскоре Поручик превратился в струйку дыма и нырнул в чемодан. Недолеченная Дама, продолжая безостановочно ныть, устремилась за ним. Поняв, что больше ей ничего не расскажут, Таня захлопнула за ними крышку.

* * *

За неделю до зимних каникул сразу две учительницы – по русскому и по географии – свалились с гриппом. Завуч же поставила на замену столько математики, что в головах у всех буквально зарябило от чисел и дробей, иксов и игреков.

Математик в школе, где учились Таня с Пипой, был просто кошмарный тип. Звали его Игорь Валентинович. Огромного роста, с сизым носом и встопорщенным ежиком волос, он чем-то смахивал на Мертвого Грифа. Разве что пахло от него не тухлятиной, а всего лишь ушной серой. Таня была почти уверена, что он бы понравился профессору Клоппу, главе черного отделения Тибидохса.

Больше всего Игорь Валентинович ненавидел неточные ответы и шутки. За малейшее отступление от правил ставил двойки. А правил у него было множество. Поля в тетрадях должны быть ровно четыре клетки. Циркуль должен лежать справа от линейки. В пенале должно быть два простых карандаша, заточенных с обеих сторон. Учебник должен стоять на подставке. Дневник

должен лежать сразу за учебником, открытый на странице, где обычно пишут замечания. Руку поднимать строго перпендикулярно парте – и так до бесконечности. И наконец, последнее, самое невозможное правило состояло в том, чтобы наизусть знать все эти правила…

Зато тишина на уроках Игоря Валентиновича была просто мертвая. Любой случайно кашлянувший ученик мгновенно втягивал голову в плечи.

В тот день математик отчего-то был особенно не в духе. Хмуро поздоровавшись, он написал на доске задачу и велел всем ее решать.

Задача выглядела так:

На соревнованиях по пожаротушению 34 пожарных потушили 75 костров за 3 минуты. Сколько времени потребуется 3 пожарным, чтобы потушить 109 костров?

Таня уныло уставилась на доску. Ну и умеют же лопухоиды изобретать себе проблемы! Любой, даже самый тупой ученик школы Тибидохс, даже тот же Гуня Гломов расправился бы с этими кострами за одну секунду! Чтобы потушить огонь, надо сказать «Трыгус шипелус» и выбросить магическую искру – и погаснут все костры, сколько бы их ни было поблизости. Хоть пять, хоть сто пять. А всем пожарным, если они не маги, останется только вздыхать, поливать из шлангов цветочки и от нечего делать меняться касками.

Размышляя об этом, Таня машинально стала рисовать в тетради пожарных и костры и так увлеклась, что вздрогнула, когда над ее ухом раздался вдруг яростный вопль:

– ГРОТТЕР!

Подняв голову, Таня с ужасом обнаружила, что над ее тетрадью склонился сам Игорь Валентинович, взбешенный как сотня болотных хмырей.

В Тибидохсе никому не запрещалось рисовать на уроках. Ну скажите, разве это плохо, если у вас по тетради, изредка перескакивая со страницы на страницу,

будут бегать тридцать четыре пожарных с лестницами и топорами? А носиться они будут обязательно, потому что все рисунки, сделанные магом, моментально оживают. Иногда даже раньше, чем им успеют дорисовать уши, волосы и ноги. И это самое неудобное. Попробуй дорисуй каску пожарному, который носится по странице как угорелый!

– Гроттер, что ты делаешь? Я тебя спрашиваю! – с яростью повторил Игорь Валентинович.

– Ничего, – испуганно ответила Таня, поспешно прикрывая ладонью разбегающихся пожарных, грозивших математику своими шлангами и ломами.

– Я и сам вижу, что ничего! А должна решать задачу! – побагровел Игорь Валентинович. – Давай дневник!

Таня замешкалась, боясь убрать ладонь, под которой, поспешно уволакивая лестницу, суетились человечки.

Математик схватился за подставку, но дневника на месте не было. Таня, как назло, забыла его дома, потому что всю ночь писала письма Ваньке и Баб-Ягуну.

Линейка, которую Игорь Валентинович держал в руках, с треском сломалась.

– И дневника нет? Родителей в школу! – велел он. – Немедленно! Рысью марш! Одна нога здесь – другая там!

– Мой папуля не придет. И мамуля тоже не придет. Они за эту дуру краснеть не собираются. Мы ее и так из милости держим! Она невме… м-м-мя-мя… Тьфу! – Пипа хотела брякнуть что-то еще, но внезапно подавилась собственным ластиком, который неизвестно как оказался у нее во рту.

– Родителей нет, дневника нет, на уроках ничего не делает… Отлично, просто отлично, – мрачно сказал математик. – Тогда я вынужден принять особые меры. Я не потерплю эту особу у себя на уроках. Кто-нибудь, позовите сюда завуча… нет, лучше директора!

– Давайте я! – радостно вызвалась Ленка Мумрикова.

Громко шепнув Пипе: «Ну все, конец Гроттерше!», – она стремительно сорвалась с места и выбежала из класса.

Тем временем Игорь Валентинович заметил на руке у Тани кольцо:

– А это еще что такое? Сколько раз я просил не надевать в школу украшений! А ну дай его сюда, я передам его твоим опекунам! Ты еще маленькая, чтобы носить такие вещи!

Таня крепко сжала ладонь. Не хватало только, чтобы ее магический перстень перекочевал сперва к математику, а потом к дяде Герману. Без кольца она не сможет совершенно ничего, даже вызвать купидона, чтобы отправить в Тибидохс весточку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/emec_dmitriy/tanya-grotter-i-ischezayuschiy-etazh

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити